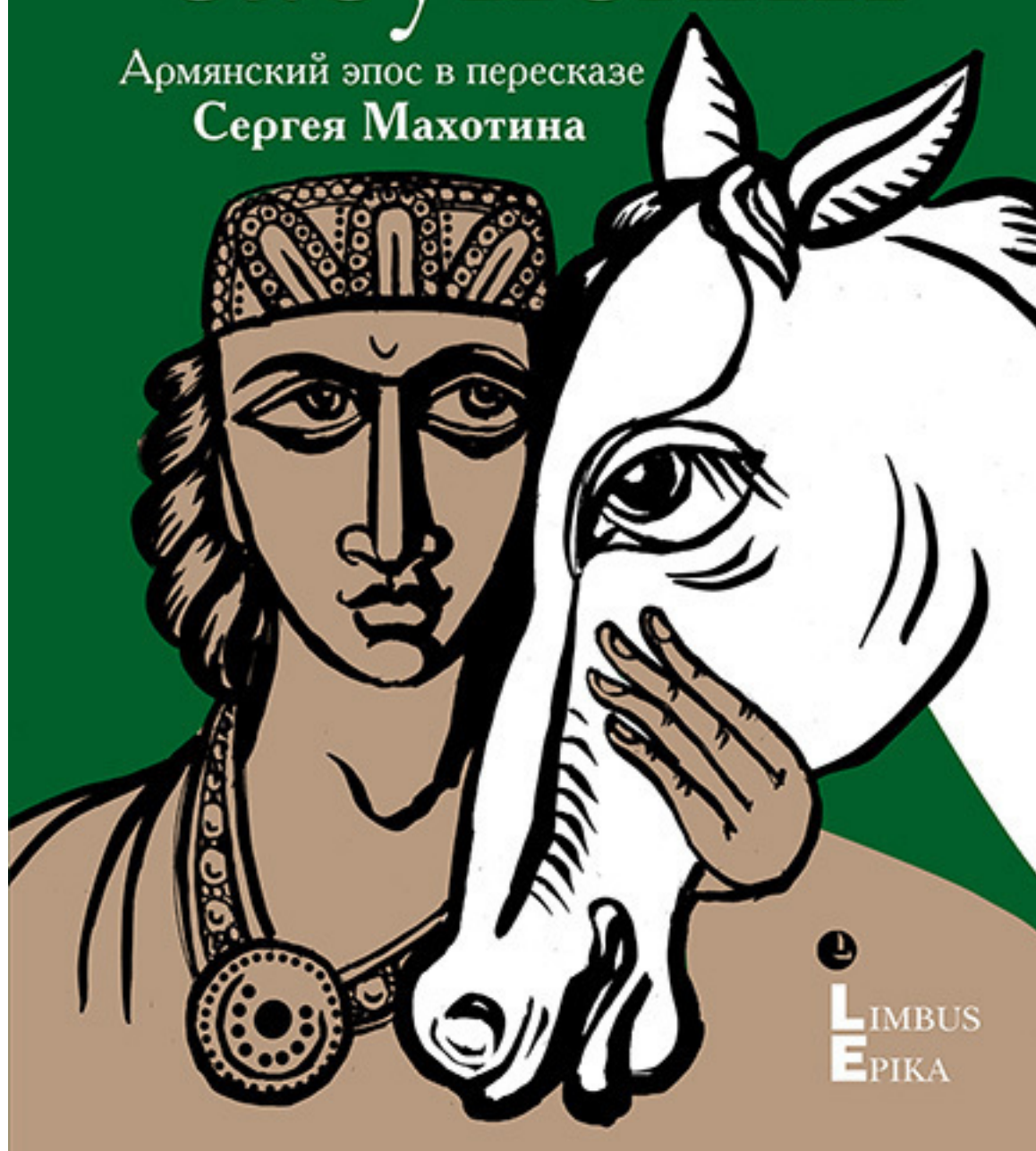


ДАВИД сасунский

Армянский эпос в пересказе
Сергея Махотина



 LIMBUS
EPIKA

Limbus Epika

Эпосы, легенды и сказания

**Давид Сасунский. Армянский эпос
в пересказе Сергея Махотина**

«Издательство К.Тублина»

2022

УДК 398.224
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Эпосы, легенды и сказания

Давид Сасунский. Армянский эпос в пересказе Сергея Махотина
/ Эпосы, легенды и сказания — «Издательство К.Тублина»,
2022 — (Limbus Epika)

ISBN 978-5-8370-0917-4

Армянский героический эпос «Давид Сасунский» давно уже стал явлением не только армянской, но и мировой культуры. Эпос включает в себя множество мифов и легенд со сказочными героями и удивительными чудесами.

Полномасштабное прозаическое переложение этого литературного памятника осуществил известный писатель и поэт, лауреат литературной премии имени Маршака Сергей Махотин. Богатство народной фантазии, стремительное развитие сюжета, вечное торжество добра над тёмными силами делают чтение этой книги увлекательным для людей всех поколений и возрастов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 398.224
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0917-4

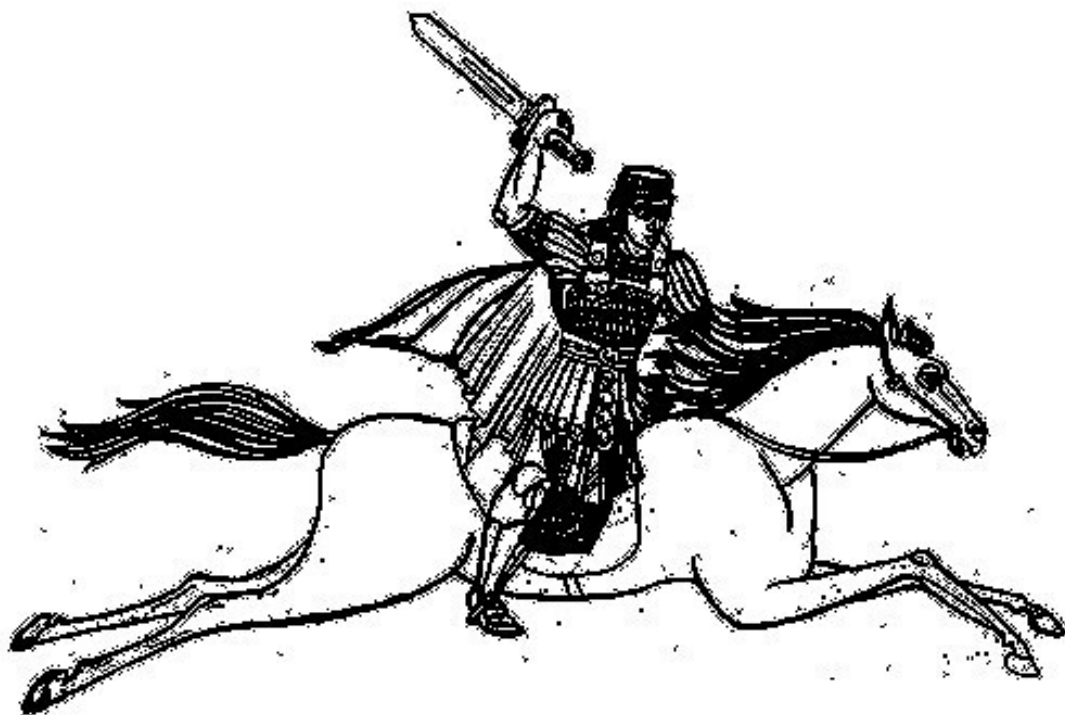
© Эпосы, легенды и сказания, 2022
© Издательство К.Тублина, 2022

Содержание

Предисловие	6
Ветвь первая	9
Часть первая	11
Сватовство багдадского халифа	11
Совет в царском дворце	12
Два глотка из родника	13
Рождение Санасара и Багдасара	14
Братья узнают правду о себе	16
Неудавшаяся жизнь	17
Поражение халифа	18
Халиф обещает принести братьев в жертву	19
Крепость у родника	21
У царя Тевадороса	22
Крепость построена	24
Сасун	26
На дне морском	27
Багдадская жертва	29
Конец халифа	31
Возвращение в Сасун	33
Часть вторая	34
Дехцун, дочь царя каджей	34
Поединок братьев	36
Дорога в страну каджей	37
В медном городе	39
Третье испытание	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Махотин

Давид Сасунский. Армянский эпос в пересказе Сергея Махотина



© С. Махотин, пересказ, 2022
© ООО «Издательство К. Тублина», 2022
© А. Веселов, оформление, 2022
© Е. Веселова, иллюстрации, 2022

Предисловие

Армянского общественно-политического деятеля, епископа, редактора, фольклориста, этнографа Гарегина Сrvандзтянца можно без преувеличения назвать одним из великих просветителей своего времени. Он редактировал газеты, инспектировал и открывал школы (к слову, именно по его инициативе в городе Ван открылась в 1870 году первая в Армении девичья школа), был среди организаторов тайных обществ, выступающих за союз с Россией против турецких угнетателей, писал научные исследования по фольклористике и этнографии. Именно Гарегин (в миру Оганес) Сrvандзтянец впервые записал одну из версий народного эпоса, которую три дня наговаривал ему сказитель из Муша Таронци Крпо. В 1874 году этот текст был опубликован под названием «Давид Сасунский и дверь Мгера».

Ещё одну версию под названием «Давид и Мгер» опубликовал в 1889 году Манук Абебян (ставший впоследствии известным филологом, академиком АН Армянской ССР).

Уже по двум этим публикациям можно было судить о том, какую литературную и национально-историческую ценность представляет произведение армянского народного творчества. И не только для Армении.

Сюжет эпоса основан на реальных исторических событиях. В 640 году арабские завоеватели вторглись в Армению и захватили город Двин – важнейший центр страны. Двенадцать тысяч армян были убиты, тридцать пять тысяч взяты в плен. Армения оказалась под властью Арабского халифата и была обложена большой данью. Денежные поборы стали особенно невыносимы при халифе Мансуре. В разных уголках страны вспыхивали народные восстания против поработителей. Особенно проявил себя в этой борьбе округ Сасун, расположенный в труднодоступной горной местности. О нём и о его непокорных жителях стали складываться сказания и легенды, отражающие стремление армянского народа к национальной независимости. Так начал складываться эпос «Давид Сасунский». Именно по этому названию он больше знаком русскому читателю. Хотя в Армении более распространено иное название – «Сасна Црер» («Сасунские храбрецы» или «Неистовые сасунцы»).

Эпос состоит из четырёх ветвей (частей): «Санасар и Багдасар», «Мгер Старший», «Давид Сасунский» и «Мгер Младший». Однако, кроме названных героев, здесь присутствует множество других персонажей, названных и безымянных, разных национальностей и вероисповеданий. Реальные исторические события и личности (вплоть до Папы Римского и похода крестоносцев) тесно переплетаются с мифологическими и сказочными сюжетами, и это делает чтение эпоса чрезвычайно увлекательным.

Первые герои – Санасар и Багдасар – были зачаты матерью Цовинар от двух пригоршней воды из волшебного родника. Рождённые в неволе, они растут не по дням, а по часам, одерживают победу над целой армией халифа и, возвратясь в родной Сасун, строят неприступную крепость.

Сын Санасара Мгер Старший получает в народе прозвище Лев Мгер. Он одолевает льва, который препятствовал хлебным караванам попасть в город, страдающий от голода. Кроме того, он побеждает властителя Мсра-Мелика и освобождает Сасун от дани. Но после смерти Мелика его вдова Исмил хитростью удерживает Мгера в арабском Мсыре целых семь лет и рождает ему сына, которого тоже называет Мелик в честь погибшего мужа. Раскаившийся в своем поступке Мгер возвращается в Сасун, чтобы благоустроить его, и, дождавшись рождения сына Давида, умирает.

Давид – наиболее полюбившийся армянскому народу герой, в нём черты национального характера отражены с удивительной достоверностью. Он наивен и простодушен, даже смешон иногда, не умея совладать со своей богатырской силой. Так, будучи пастухом и желая приумножить сасунское стадо, он вместе с коровами и быками пригоняет в дар землякам медведей,

волков и прочих диких зверей. Стремясь делать добро людям, он совершает нелепые поступки, часто становится посмешищем, но в решительную минуту именно Давид становится истинным народным защитником. При этом проявляется, может быть, главная его черта – великодушие. Он не нападает вероломно на спящих врагов, а громко предупреждает их, давая тем возможность проснуться, вооружиться и подготовиться к бою. Обнаружив под пиршественным столом сорок мечей сорока женихов, ищущих руки прекрасной Хандут-хатун, Давид не мстит витязям за задуманное убийство, а со смехом ломает мечи, велев слуге перековать их на мотыги, «чтоб девкам в огороде копать».

Сын Давида Мгер Младший – фигура поистине космогоническая. Сила его настолько велика, что даже земля не держит его. Встретив Давида и не узнав его, он вступает в поединок с отцом, за что всю жизнь вынужден нести бремя отцовского проклятия. Мгер совершает множество подвигов, мстя врагам родной страны. Он много странствует по свету в поисках справедливого мироустройства и нигде не находит того, что искал. Обречённый на бессмертие, Мгер рассекает мечом скалу и скрывается в ней, поклявшись лишь тогда выйти к людям, когда на земле воцарятся добро и счастье, «...когда разрушится мир и воскреснет вновь, когда пшеница будет величиной с лесной орех, а ячмень – как ягода шиповника...».

Поэтическое очарование эпоса вдохновляло многих классиков армянской литературы. Вспомним хотя бы поэмы Ованеса Туманяна и Аветика Исаакяна, созданные по мотивам «Давида Сасунского».

В 1939 году отмечалось тысячелетие народного эпоса. К этому времени собранный материал насчитывал больше двух с половиной тысяч страниц печатного текста и состоял из пятидесяти вариантов. В предисловии к изданию сводного текста академик Иосиф Орбели писал: «Когда впервые была произведена запись одного из вариантов великого армянского народного эпоса, ни сам собиратель, ни кто другой не могли предполагать, что записанный тогда сказ является незначительным отрывком величественной эпопеи, таящей в себе бесчисленные нити, которые связывают культуру армянского народа со многими другими народами, не только окружавшими армян в их исторической жизни, но и населяющими отдалённые от Армении части мира».

Сводный текст перевели на русский язык выдающиеся мастера художественного перевода: Владимир Державин, Александр Кочетков, Константин Липскеров и Сергей Шервинский. Но ещё до создания сводного текста армянский эпос был знаком русскому читателю. Так, в 1916 году вышла в свет объёмная антология «Поэзия Армении с древнейших времён до наших дней» под редакцией Валерия Брюсова. Самому Брюсову принадлежит в книге перевод большого фрагмента эпоса, рассказывающего о победе Давида над Мсра-Меликом.

Душевная щедрость и благородство, веротерпимость, уважение к женщине, почитание старших – эти признаки христианской морали присущи всем героям повествования. Поэтому и остаётся «Давид Сасунский» книгой, которую читают и перечитывают в каждой армянской семье. И говорит она по-прежнему о самых важных вещах. Приведу лишь один эпизод из первой ветви. Пращур сасунских богатырей Санасар едет в страну каджей (колдунов) за своей невестой. И на перепутье трёх дорог встречается с небесным ангелом, принявшим облик древнего старика. Естественно, Санасар выбирает самую опасную дорогу и лишь просит старика дать ему напутственный совет.

«– Вот что запомни! – сказал старик. – Встретится тебе на дороге зверь ли, камень или куст, со всеми здоровайся, как ты поздравлялся со мной, всем кланяйся. В заколдованную страну едешь ты, не поздравляешься – пропадёшь!»

Это напутствие и сегодня чрезвычайно актуально. Уважай нравы и обычаи чужого народа, не лезь со своим уставом в чужой монастырь, иначе и самому пропасть недолго.

Как было бы хорошо, если б этого мудрого правила придерживались наши современники!

Сергей Махотин



Ветвь первая Санасар и Багдасар



С поклоном помянута будь,
Цовинар-хатун!
С поклоном помянут будь
Ты, Санасар!
С поклоном помянут будь
Ты, Багдасар!
С поклоном помянут будь,
Кери-Торос!
Помянуты будьте добром
Родители тех,
Что слушать меня пришли!



Часть первая

Сватовство багдадского халифа

Было это в те времена, когда на один мирный день приходилось десять дней войны. Когда крестьяне шли в поле, держа в одной руке мотыгу, в другой – копьё. Когда посеянный весной хлеб порой некому было собрать осенью. Ибо под мечами иноземных воинов гибли мирные пахари, а жён их и детей угоняли в полон.

В те времена жил в Армении славный царь Гагик. В неприступной крепости Капотин-Берд стоял его царский дворец. Владел царь армянский горными долинами, душистыми лугами, тучными стадами. Имел он в подвалах дворца кованые сундуки с золотом и серебром. Только всего дороже была для него единственная дочь – прекрасная Цовинар-хатун.

А наследника не дал ему Бог.

Позавидовал богатству армянского царя багдадский Халиф. И пошёл на него войной.

Стар и сед царь Гагик, а Халиф молод и силён. Бесстрашны и отважны армянские воины, но войско Халифа многочисленней в тысячу крат.

Победил багдадский Халиф. Многих людей убил. Многих в плен увёл. Много нагребил добра. Обложил царя Гагика тяжкой данью. Довольный возвратился в Багдад.

Срок подошёл, приказывает Халиф двум верным слугам ехать в сторону армянскую за обещанной данью. Низко поклонились слуги могущественному владыке и тотчас отправились в путь.

Ехали они день, и ночь, и ещё один день. Под вечер прибыли в Капотин-Берд. Вошли в крепостные ворота и направились напрямик к царскому дворцу.

Но вдруг, не дойдя до дворцовых палат, остановились сборщики дани. Переглянулись. Что такое! Солнце давно зашло, а в крепости светло как днём! Подняли слуги Халифа головы да так и обмерли. Увидели они девушку сказочной красоты. То царевна Цовинар-хатун вышла на кровлю дворца. Мягкий и ровный свет исходил от неё, освещая всё кругом. А Цовинар смотрела вдаль, туда, где солнце опустилось за горизонт, и словно разговаривала с ним: «Пора тебе отдохнуть немного, ясное солнышко. Не бойся, я посвечу людям вместо тебя».

Не смогли вынести слуги Халифа красоты Цовинар-хатун. Помутилось у них в голове. Зашатались сборщики дани, рухнули на землю и лишились чувств...

Разгневался Халиф. Давно уже пора было вернуться слугам с богатой данью. Приказал он послать за ними вооружённых всадников, вернуть их живыми или мёртвыми.

Поскакали воины. Нашли сборщиков лежащими на земле. Растолкали и доставили их, покорных и безмолвных, к багдадскому Халифу.

– Так-то вы служите мне, бездельники! – закричал тот на них. – Где дань, за которой послал вас? Отвечайте!

Повалились слуги в ноги своему повелителю:

– Да продлится твой век, всемогущий Халиф! Ты бы сам забыл о дани, если б увидел то, что видели мы. Диво дивное видели мы! Сами чудом остались в живых.

Удивился Халиф:

– Что за чудо такое?

– О, живи вечно! Нет тебе равных под луной! Повелеваешь ты народами. Владеешь всем, что родит земля. Имеешь золото, серебро, алмазы и жемчуг. А только не имеешь того, что есть у царя армянского. Есть дочь у него, за которую все богатства свои отдашь. Ни днём, ни ночью есть не будешь, пить не будешь, очей отводить от неё не будешь, любуясь её красотой.

Задумался Халиф. И чем больше думал он, тем чаще билось его сердце, тем желанней для него становилась дивная красота дочери армянского царя. Наконец, решился он и послал царю Гагику весть:

– Отдай мне дочь свою, армянский царь! Пусть будет мне женой Цовинар-хатун.

Отвечал ему Гагик:

– Ты – араб, я – армянин. Я – христианин, ты – иной веры. Как же я дочь за тебя отдам? Не отдам ни за что, Халиф, не проси.

Потемнел лицом багдадский Халиф. Шлёт царю Гагику вторую весть:

– Коль добром не отдашь, силой заберу. Войной на тебя пойду. Всю страну твою растопчу. Весь твой народ погублю. Вытравлю весь твой род. Сброшу с трона тебя.

– Что ж, война так война, – ответил армянский царь. – Я тебя не боюсь, Халиф. Не отдам за тебя свою дочь.



Совет в царском дворце

Собрал багдадский Халиф всё своё войско и двинулся войной на Армению.

Выслал царь Гагик навстречу арабскому войску передовой отряд. Сразились они. Но недолгой была битва. Полегли армянские воины все как один под кривыми саблями иноземцев.

Утром вышел царь на крепостную стену. И дрогнуло сердце его. Там, где ещё вчера зелела трава, сегодня всё бело от арабских шатров. Если звёзды на небе и мог бы кто сосчитать, то воинов Халифа он бы счесть не сумел.

Поднялась Цовинар-хатун на кровлю дворца. Увидела неисчислимую вражью рать.

Горькие мысли одолели царевну. «Это из-за меня, – думала она, – пришли в нашу землю враги. Из-за меня прольётся невинная кровь, падут на поле брани мужья и отцы. И вдовы их, и сироты их проклянут меня навеки. О отец! Не в силах я нести этот тяжёлый грех!»

Поспешила Цовинар к отцу. Нашла его сидящим в своих покоях с поникшей головой. Встал старый Гагик ей навстречу, обнял любимую дочь.

– Нет у нас выхода, Цовинар-джан, – тихо произнёс Гагик. – Если не отдам тебя Халифу, перебьёт он всех нас, разграбит наш край. Только как же я отдам тебя? Ты – армянка, он – араб. Ты веришь в Христа, он – в чужих богов. Нет у нас выбора, Цовинар. Видно, недолго осталось нам жить на земле...

Отвечает ему Цовинар-хатун:

– Не гневайся, выслушай меня, отец. Сам знаешь, что будет, если откажешь Халифу. Разрушен будет Айастан, много погибнет людей. Убьют и меня враги, а не убьют, уведут в полон. Пусть лучше погибну одна, чем весь наш народ. Уступи, отец. Собери совет. Отдай меня в жёны Халифу багдадскому.

Так сказала прекрасная Цовинар-хатун.

И созвал царь совет. Собрались во дворце люди мудрые, опытные, отважные – те, которых держится царская власть.

– Как вы решите, так я и сделаю, – объявил царь Гагик. – Либо дочь свою Халифу отдам, либо на смерть с вами пойду.

Заволновались советники, заспорили. Одни говорят: «Отдать нужно царскую дочь. Не вынесет народ новой войны». Другие говорят: «Коли отдадим, покроем позором народ. Лучше погибнем в бою».

Встал тогда юный Торос. Восемнадцать лет всего и было ему. Но даже старики уважали его за трезвый не по годам ум и рассудительность.

– Да будет долгим твой век, царь! – обратился он к Гагику. – Все мы здесь любим твою дочь Цовинар-хатун. И мне она как родная сестра. Жизнь готов за неё отдать. Но только она ведь – не весь народ. Разве виноваты матери наши, что Халиф полюбил её? Разве виноваты дети наши, что Халиф полюбил её? За что ж им идти на смерть или в полон? Отдай Цовинар, о мудрый царь! Забудь о том, что была у тебя дочь.

Низко поклонившись царю, умолк юноша. Тяжёлая тишина повисла под сводами дворца. И старались люди не смотреть на старого Гагика, ибо почернело лицо армянского царя от горя.

Но поднялся досточтимый архиепископ, царский тесть, и слова его новой болью сковали сердце несчастного отца.

– Прав Торос, – сказал архиепископ. – Да не ляжет грех жестокой резни на душу Цовинар-хатун. Пусть покинет она пределы родной страны. Храни её Господь!

Покорился старый царь Гагик. Отправил посланье Халифу багдадскому:

– Я согласен. Бери в жёны мою дочь.

И, отослав гонца, впервые в жизни заплакал царь армян.

Зато не было предела ликованию багдадского Халифа. Повернул он назад своё войско и приказал придворным готовиться к пышной свадьбе.

Вновь пришла Цовинар к отцу. Говорит ему:

– Передай Халифу, что согласна я идти за него. Но ещё вот что передай. Пусть отведёт он мне отдельный дворец и не входит ко мне целый год. Пусть христианский священник поедет со мной, чтобы церковные обряды служил, чтобы и в чужой стороне молилась я нашему Богу. Пусть и мамка моя, и подружки мои со мною в багдадском дворце живут, чтобы не забыла я родную речь. И пусть поклянётся тебе Халиф всё сделать так, как я прошу.

Передал Гагик Халифу слова дочери. И воскликнул тот:

– Клянусь тебе, царь, что построю дворец для Цовинар-хатун близ моего дворца. Обещаю не то что год – семь лет не подходить к ней. Пускай молится и верой своей живёт. Мне довольно того, что имя моё станет носить твоя дочь, что назовут меня зятем твоим. Мы уже не враги с тобой, царь. Заключим с тобой мир навеки. Больше я не потребую с тебя дань.



Два глотка из родника

Халиф разбил свой стан в Техтисе и стал дожидаться, когда приведут к нему прекрасную Цовинар, чтобы отвезти её в Багдад. А царь Гагик разбил свои шатры в долине Норагех. Там, среди душистых пастбищ и цветущих лугов, близ журчащего Молочного родника, и устроен был прощальный пир. И продолжался он восемь дней.

Накануне праздника Вознесения упростила Цовинар отца позволить ей в последний раз погулять с подругами-сверстницами. Обещала вернуться к вечеру.

Царь Гагик не стал возражать, и отправились девушки к Молочному роднику. Весь день гуляли по горным лугам, заходили в Храм Гили помолиться, отдыхали на зелёной траве, смеялись, шутили. Цовинар любовалась красотой своей родины, которую суждено ей было вскоре покинуть. Видела она народ свой, занимающийся мирным трудом. Вон пастух пасёт тучное стадо. Вон виноградарь поливает урожайную лозу. Вон возделывают свои поля кре-

стыяне, поют, и далеко слышна их песня. «Как прекрасен мир, созданный Господом! – думала царевна. – Неужели мог он быть разрушен ненавистной войной...»

Под вечер открылось взору Цовинар синее море. Оставив своих подруг гулять и веселиться на склоне высокой горы, спустилась царевна к морскому берегу. И вдруг почувствовала такую усталость, что не в силах и шагу ступить. Невыносимая жажда одолела Цовинар, всё бы отдала за глоток воды. Но солоня и горька морская вода, не утолить ею жажды.

Взмолилась Цовинар:

– Господи, дай мне сил! Спаси меня от жажды, открой путь к роднику!

Видит: стихли перед ней буйные волны. Открылся большой валун, из которого забил родниковый ключ. Обрадовалась Цовинар-хатун. Скинула с себя нарядные одежды, чтобы не замочила их морская волна. Вошла в море, приблизилась к камню и отхлебнула пригоршню воды из родника. Никогда прежде не пила она такой вкусной воды! Исчезла усталость, вернулись к ней силы. Выпила ещё полпригоршни, и тут иссяк драгоценный родник. И почувствовала Цовинар, что зародилась в ней новая жизнь.

Наутро снялась со своего стана армия Халифа и двинулась в Багдад. На лучшем арабском скакуне, одетая в царские одежды, ехала среди чужих людей, говорящих на немилем языке, прекрасная Цовинар-хатун. Всё дальше родной Айастан. Всё ближе немилая чужая земля.

Семь суток праздновал Халиф пышную свадьбу. Множество гостей съехалось на знатный пир, и не переставали гости дивиться на чудесную красоту Цовинар.

На седьмой день удалилась красавица в свой уединённый дворец. Обошла все семь его палат. Заперла все семь дверей. И горько заплакала над своей судьбой.



Рождение Санасара и Багдасара

Бежали дни, шли недели, тянулись месяцы. И поняла Цовинар, что беременна, что зачала она от морского источника.

Донесли о том Халифу. Разгневался Халиф. Решил, что изменила ему тайком Цовинар, опозорила его на весь белый свет.

Позвал своего везира:

– Скажи, как мне быть. Что делать с неверной женой?

– Живи вечно, всемогущий Халиф! – низко поклонился везир своему повелителю. – По нашим законам разговор с такой женщиной один. Вели казнить неверную!

Крикнул Халиф палача.

– Ступай, – приказал ему, – во дворец к моей жене. Отруби голову нечестивой Цовинар!

Явился палач во дворец к Цовинар-хатун. обнажил острый, как бритва, меч.

– К смерти готовься! Владыка арабов приказал мне казнить тебя.

Не испугалась Цовинар-хатун. Воскликнула:

– Нет справедливых законов в этой стране! Приказано тебе меня одну погубить. Но если казнишь меня, то и будущего моего ребёнка убьёшь, погубишь не одну душу, а две. Скажи Халифу, чтоб подождал, пока я ребёнка рожу. Пусть посмотрит, человеческий ли он сын или нет. А потом пусть казнит меня. И ещё передай, если правду хочет он знать, что я невинной пришла в Багдад. Мой ребёнок мне Богом дан, он от пенного моря зачат.

Вернулся палач к Халифу. Передал ему слова Цовинар-хатун.

– Что ж, – решил Халиф, – я согласен подождать. Поглядим, кого она родит, а после казним. Пусть никто не трогает её до этих пор.

Девять месяцев прошло и девять дней. Девять часов и девять минут. Родила Цовинар двух сыновей: одного крепыша, другого послабее чуть-чуть. Армянский священник Меликсет крестил их над тандыром, ибо для каждого христианина свято всё, что связано с именем хлеба. Дал священник имена малышам: старшего назвал Санасаром, младшего – Багдасаром.

Доложили Халифу, что двух сыновей родила Цовинар. Что здоровьем они крепки и растут не по дням, а по часам. Пошёл Халиф взглянуть на мальчиков, и вновь закипела в нём злоба при мысли о неверной жене. Снова послал он палача с острым мечом к Цовинар-хатун.

И опять не дрогнула прекрасная Цовинар:

– Неужели нет у арабов законов праведных? Виданное ли дело: казнить мать, не дав ей вскормить грудных детей! Передай Халифу, что никуда я не убегу от него. Пусть казнит меня, когда подрастут мальчики мои.

Передал палач Халифу слова Цовинар-хатун. Позвал тот своего верного везира:

– Посоветуй, что делать мне?

– Да продлятся дни твои, о повелитель! – отвечал везир с поклоном. – Только ведь в самом деле смерть Цовинар не прибавит тебе ни почёта, ни богатства. Дадим пожить ей ещё десять лет. Подрастут мальчишки – казним её, а может быть, и их тоже. Пока же пусть идёт по миру слава о милосердном сердце Халифа багдадского!

Прошло полгода. Выпросила Цовинар-хатун у Халифа разрешение выходить из дворца, видеть солнце, дышать чистым воздухом. Ибо не подобает людям жить без света, подобно слепым кротам.

Год прошёл. Санасар с Багдасаром стали ростом с пятилетних детей. Но даже те, играя с годовалыми братьями, часто ревели и бежали прочь от их тяжёлых кулачков.

Когда минул им пятый год и шестой пошёл, превратились они в крупных отроков. Стал их священник, отец Меликсет, учить грамоте. И научились братья читать и писать на родном языке.

Однажды захотел Халиф ещё раз взглянуть на детей своей жены Цовинар. Но когда ввели их в тронный зал, когда увидел он их налитые силой мускулистые тела и услышал их гордые и мощные голоса, то такой трепет обуял Халифа, что в страхе приказал он тотчас отвести братьев назад к матери. И когда ушли они, долго сидел в задумчивости, охваченный недобрыми предчувствиями.

Прошло семь лет. Как-то играли Санасар и Багдасар с придворным детьми. Сын везира обиделся за что-то на Санасара и бросился на него с кулаками. Увернулся Санасар и, шутя, отвесил лёгкую затрещину злобному мальчишке. Да, видно, силу не рассчитал. Свернул ему шею, и остался сын везира покалеченным на всю жизнь.

В страшной тревоге прибежал к Халифу везир:

– За что нам такую кару посылает небо?! Эти двое скоро всех наших детей перекалечат!

– Думается мне, – мрачно отвечал Халиф, – что не только детей. Скоро они и нам вцепятся в бороды. Пришла пора найти на них управу!



Братья узнают правду о себе

Однажды утром вышли Санасар с Багдасаром поиграть с детьми. Сдерживали себя, старались руками не размахивать, чтоб не покалечить кого-нибудь опять ненароком. Вдруг дети стали смеяться, пальцами на братьев показывать и громко вскрикивать:

– Ты – пич! И ты – пич! Пич! Пич!

Удивлённые и расстроенные, вернулись они домой. Спрашивают у матери:

– Скажи, кто наш отец? Чьи мы дети? Скажи, не то бросимся в реку и утонем.

– Как чьи? Вы дети Халифа, – сказал Цовинар, желая успокоить их. Сказала и умолкла, опустив голову.

– Не обманывай нас, матушка, – взмолились братья. – Если б Халиф был нашим отцом, разве осмелились бы дети кричать нам: «Ты – пич!»

– Нашли кого слушать – неразумных детей! Да они просто завидуют, что вы сильнее их, вот и дразнятся.

Санасар и Багдасар успокоились. А через несколько дней опять пошли играть на площадь перед дворцом. Но только вышли, окружила их большая толпа мальчишек, и отовсюду послышались обидные выкрики:

– Ты – пич! И ты – пич! Пич! Пич! Убирайтесь отсюда!

Со слезами на глазах вернулись к матери Санасар и Багдасар. Цовинар и сама вот-вот расплачется. Обняла сыновей и промолвила:

– Сдержите слёзы. Завтра встанем пораньше, пойдём гулять к реке, чтоб отлегла от сердца тяжесть. Обещаю, что расскажу вам правду об отце.

Наутро проснулись они с зарёй, взяли узелок с едой и отправились на берег реки. Ждут братья, когда же мать начнёт рассказывать то, что обещала. А Цовинар лишь вздыхает да молчит.

Не выдержал Санасар:

– Матушка, скажи мне, кто мой отец. А если не скажешь – утоплюсь.

– Нет у тебя отца, сынок... – тихо ответила Цовинар.

– Матушка, – покачал головой Санасар. – Я ведь не от камня, не от дерева зачат. Верно, человеком был мой отец.

И тогда рассказала наконец Цовинар, как оказалась однажды на берегу морском. Как мучила её жажда. Как Бог открыл ей сладкий родник в морском валуне. Как выпила она две пригоршни воды...

– От этой воды и послал мне вас Господь. От полной пригоршни – могучего Санасара, от неполной – буяна Багдасара.

– Спасибо, матушка, что открыла нам правду, откуда мы родом, – поклонились ей братья. – Скажи нам теперь, откуда родом ты сама?

– Дети мои дорогие, – ответила Цовинар-хатун. – Издалека привезли меня сюда. Любимый Айастан – моя родина. А я – царя армянского дочь.



Неудавшаяся жизнь

Шло время. С каждым днём всё печальней становилось прекрасное лицо Цовинар-хатун,; всё чаще наполнялись слезами её ясные глаза.

– Что с тобою, матушка? – забеспокоились братья. – Тебе ли печалиться! У тебя есть мы – двое сыновей, дарованных тебе Господом. Сама ты – жена Халифа, и нет у тебя ни в чём недостатка. К чему тебе горевать?

– Ах, дети мои! – вздохнула Цовинар. – Подходит срок. Не сегодня завтра прикажет Халиф казнить меня, да и вас заодно.

Переглянулись Санасар и Багдасар.

– Так вот оно что! Ладно, ещё поглядим, кто кому голову снесёт...

Наконец, миновали отпущенные Халифом десять лет. Призвал он палачей и велел казнить и жену свою, Цовинар-хатун, и обоих сыновей её.

Санасар с Багдасаром в это время мирно на курси посиживали, разговаривали о том о сём да посмеивались. А в соседней комнате вздыхала и плакала Цовинар. К ней первой и явились посланные Халифом палачи. Объявили:

– Настал срок. Велено сегодня же обезглавить вас троих. Собирайся!

– Со мной-то вам нетрудно будет справиться, – отвечает палачам Цовинар. – Но неужели поднимется у вас рука на сыночков моих, малых детушек?

Промолвил один из палачей:

– Что правда, то правда. Трудно будет руку поднять на детей. Да как же тут быть, коль сам Халиф приказал?

Плачущая Цовинар приложила палец к губам:

– Не говори громко, детей моих испугаешь. Пусть поиграют ещё хоть немножко... Вы бы и сами присели отдохнуть.

– Не велено нам сидеть, – ответил палач. – Выходи скорее из дворца, не здесь же голову рубить, всё кровью пачкать! Поторапливайся!

Долетел до слуха Санасара грубый чужой голос. Распахнул он дверь, видит: незнакомые люди стоят, сабли свои обнажили.

– Эй, кто вы такие? Зачем к нам пожаловали?

Цовинар шепчет палачам:

– Не говорите детям, зачем пришли. Не пугайте, не мучайте их понапрасну.

– Так уж и быть, – ответил палач. – Ну, идём скорей!

– Матушка! – воскликнул Санасар. – Куда ты? Зачем уходишь ты с этими людьми?

– Мы ненадолго, сынок... Скоро вернёмся...

Дрогнул голос Цовинар, и заподозрил Санасар, что неладное что-то должно произойти.

– Ты что-то скрываешь от меня, матушка. Правду мне скажи.

Заныло у Цовинар сердце от жалости к детям. Промолвила она:

– Горькая это правда. Ведут меня палачи казнить, голову мне рубить.

– Кто же посмеет казнить тебя?

– Вот он, – указала Цовинар на главного палача.

Подошёл к нему Санасар. Не то спросил, не то прорычал:

– Это ты – палач моей матери?

– Такова служба моя, – ответил тот. – Велено не только матери твоей, но и тебе и брату твоему голову снести. Халиф так велел.

Размахнулся Санасар и влепил пощечину палачу. Да такую, что голова отлетела прочь, одно тело стоит.

В ужасе разбежались другие палачи. Прибежали к Халифу, рассказали о том, что произошло. Испугался Халиф. Приказал полководцу своему уничтожить непокорных братьев.

Повёл полководец множество воинов на Санасара и Багдасара. Вышли братья им навстречу и схватились с войском Халифа. До поздней ночи бились. А когда, окончив битву, вернулись домой, добрая половина воинов осталась лежать в широком поле.

Понял Халиф, что лучше помириться с Санасаром и Багдасаром, чем воевать с ними и всё войско потерять. И объявил Халиф:

– Теперь убедился я, что невинна была передо мной Цовинар. Дети её от моря рождены. Пусть по-прежнему считается Цовинар мне женой, а её сыновья – моими детьми.

Принялись лстивые придворные громко славить мудрость своего повелителя. А Халиф, скрывая гнев и злобу, стал дожидаться удобного случая, чтобы расправиться с Санасаром и Багдасаром.



Поражение халифа

Жаден был Халиф багдадский. Захотел он снова пойти войной на Армению, разорить её города, вновь заставить армян платить Багдаду богатую дань.

Накануне похода говорит ему Цовинар-хатун:

– Послушался бы ты меня, мой Халиф. Не ходил бы на армян войной.

– Это ещё почему?

– Ночью приснился мне вещий сон. Множество маленьких звёзд видела я. Сомкнулись они вокруг большой звезды и бросились на неё. Но вдруг вспыхнула та звезда ярким светом и упала с неба прямо к твоему дворцу.

– Не знаю, что значит твой сон, – сказал раздосадованный Халиф. – Да и не твоё это дело – сны растолковывать. Не стар я ещё. Кому ж, как не мне, воевать и дань собирать!

– А как же договор, который ты с моим отцом заключил? – напомнила ему Цовинар. – Обещал не воевать против него.

– А я передумал! – захохотал Халиф и приказал войску выступать.

...Воинов Халифа – словно звёзд на небе. Осадило арабское войско крепость Капотин-Берд, и длилась осада семь долгих лет. Наступил в крепости голод. Погибал скот, лишённый зелёных пастбищ. Таял запас зерна, не дождавшегося вспаханного поля. Забыли люди вкус родниковой воды, которую заменила вода дождевая. Кое-кто уже поговаривал о том, что пора покориться Халифу и сдать крепость Капотин-Берд на милость врага.

Один из таких людей, звали его Кро, как-то воскликнул в сердцах:

– Хватит нам уповать на Бога! Да если бы и впрямь был на небе Бог, разве допустил бы он эти наши страдания, длящиеся уже семь лет! Боги Халифа, видать, могущественней. Подчинимся же его вере.

Другой человек, добрый христианин, сказал:

– Не кощунствуй, Кро! Сам не знаешь, что говоришь! Не оставит нас в беде Господь. Верю, что кончится скоро голод, что за сто лидров зерна завтра даже одной серебряной монеты не дадут.

Засмеялся Кро ему в лицо:

– Серебряной!.. Да я тебе готов горсть золота отсыпать за хлеба кусок! Только откуда он у тебя! Бог твой, что ли, с неба его сбросит?

Разгневался добрый христианин. Проклял вероотступника:

– Да накажет тебя Господь! Увидишь ты великое изобилие хлеба, да не вкусишь его!..

И собрал царь Гагик отряд из самых горячих и отчаянных юношей с Кери-Торосом во главе. Тёмной безлунной ночью вышли они бесшумно из крепости и по сигналу царя с яростью бросились на врагов. Смятение и паника охватили войско Халифа. Во тьме показалось арабам, что сам дьявол напал на них и разит невидимым мечом. Обратились в бегство передовые части халифского войска, а те, что сзади стояли, подумали, что это неприятель атакует их. Принялись они рубить друг друга, и с каждой минутой таяла неисчислимая рать.

Выбежал из шатра разбуженный Халиф. Страшная картина открылась его взору с первыми лучами зари. Большинство его воинов лежат бездыханные в реках крови. А те, что ещё живы, рубятся между собой, и всё ближе к шатру безумная резня.

Понял Халиф, что погибло войско. Понял, что и к нему приближается неминуемая гибель. Вскочил он на верблюда выносливой шамской породы, и понёс тот своего хозяина прочь с армянской земли.

Зазвенели в Капотин-Берде церковные колокола, возвещая о победе над Халифом. Высыпал из домов ликующий народ. На городской площади стали люди делить меж собой оставшиеся запасы зерна. Мерщиком назначили Кро. Да только, деля хлеб, стал тот лукавить. То одному недодаст, то другому.

Рассердились люди. Вырвали мерку у него из рук, треснули его меркой по башке, и испустил он дух. Сбылось пророчество доброго христианина: узрел вероотступник хлеб, да сам не поел.



Халиф обещает принести братьев в жертву

Быстро бежит шамский верблюд, а Халифу кажется, что, как черепаха, ползёт. Бьёт, торопит его Халиф. Далеко обходит сёла и города. Боится попасть на глаза армян, которых грабил и убивал.

Стал молиться Халиф идолам своим:

– Спасите меня! Вынесите за пределы армянской земли. Сорок отборных тёлков в жертву вам принесу!

Не откликаются, молчат идола.

Снова взмолился Халиф:

– Помогите мне! Укройте от врага! Пуд серебра и полпуда золота вам в жертву отдам!

Не откликаются, молчат идола.

В третий раз взмолился Халиф:

– О Главный Идол! К тебе обращаюсь я. Отдам тебе Санасара и Багдасара в жертву, если живым домой доберусь.

Понравилась Главному Идолу обещанная жертва. Послал он к Халифу дэвов-исполинов. Явились они, подлезли под верблюжье брюхо и помчали Халифа в Багдад.

...Ночью привиделся Цовинар вещий сон. Будто держит она в каждой руке по свече. То ясно и ровно горят свечи, то вдруг задрожат тонкие язычки огня, вот-вот погаснут.

Проснулась Цовинар-хатун, разбудила детей. Обнимает их со слезами, целует, словно прощается с ними навек.

– Что с тобой, матушка? – спрашивают братья. – Почему ты плачешь?

Говорит Цовинар:

– Явился мне во сне святой Карапет. Сказал, что попал Халиф в большую беду. Чтобы спастись самому, обещал вас в жертву принести, как только вернётся домой. Нужно спешить! Собирайтесь. Отправляйтесь к отцу моему, армянскому царю. Ночью держитесь яркой звезды, она вам путь укажет. Днём у людей спрашивайте, в какой стороне земля армян.

Поднялись Санасар и Багдасар. Взяли лук и стрелы, сабли и палицы. Положили в хурджины запас еды. Выбрали в конюшне Халифа двух лучших скакунов. Вот и все сборы.

– Мы готовы, матушка, – поклонились братья. – Благослови нас.

Перекрестила сыновей Цовинар-хатун, чтоб хранил их Господь. Обняла их на прощанье, и тронулись Санасар с Багдасаром. Далеко от Багдада застал их рассвет.

С утренней зарёй поднялась Цовинар на кровлю дворца. Видит: бежит из пустыни измученный верблюд. Верхом на верблюде – Халиф. Богатые одежды все в пыли и грязи. И у самого лицо осунулось и почернело, как смола. Спрыгнул Халиф с седла, ещё раз обернулся в страхе и бросился к дверям.

Спустилась к Халифу Цовинар-хатун.

– Пусть дом твой будет крепок, Халиф. Семь лет получала я победные вести от тебя. А нынче что стряслось? Непохож ты на победителя. Где же войско твоё? Где отважные полководцы твои?

Отвечал жене Халиф:

– Все города подчинил я себе. Не сдалась лишь крепость Капотин-Берд. Осадил я её, и уже близка была победа, как вдруг посыпался с неба ночного огненный град. Всё войско моё побил, всех полководцев побил. Чудом я сам уцелел. Лишь потому спасся, что обещал Главному Идолу Санасара с Багдасаром в жертву принести.

«О господи! – ужаснулась про себя Цовинар. – Правдив был мой сон. Убил бы сейчас изверг невинных детей моих!..»

Прошло несколько дней. Служил как-то верховный жрец службу в капище идолов. И проник дьявол в их каменные изваяния. В тишине взревел вдруг Главный Идол дьявольским голосом:

– Жертву хочу! Где обещанная мне жертва? Где Санасар? Где Багдасар?

В страшном трепете прибежал верховный жрец к Халифу, упал к нему в ноги.

– Главный Идол требует жертву от тебя, о Халиф!

– Всё, что хочет, готов я отдать ему.

– Есть у жены твоей, дочери армянского царя, два сына. Только их и хочет Главный Идол, только их требует.

– Хорошо, – кивнул Халиф. – Дней через десять заману я их к родникам близ капища идолов. Там и заколю братьев в жертву.

В тот же день пришёл Халиф к Цовинар-хатун.

– Жертвы требуют идола.

– Так принеси им жертву, – отвечает Цовинар. – Мало ли у тебя коров неотелившихся или ягнят.

– Нет, жена, они человеческой жертвы хотят.

– Человеческой?! – ахнула Цовинар. – Большой грех возьмёшь на свою душу, Халиф, если даже бездомного ребёнка убьёшь!

– Не бездомного, Цовинар. Хотят они твоих сыновей, Санасара и Багдасара, за то, что помогли мне идола спастись от врага.

Говорит ему Цовинар-хатун:

– Ты – муж мой. Значит, мои дети – и твои тоже. Если решил их зарезать – что ж, твоя воля. Да только не увидишь ты больше ни Санасара, ни Багдасара. Покинули они твои владения, Халиф, и где они сейчас – даже мне неизвестно.



Крепость у родника

Четверо суток прошло с тех пор, как сыновья Цовинар-хатун сели в седло. Четверо суток гнали они коней и, наконец, доехали до пределов другой страны.

Спешились они на берегу большой реки, вытекавшей из горного ущелья. Смотрят: сбегает с высокой горы небольшой ручей, впадает в реку, но не теряется в ней. Светлый прозрачный след от ручья наперекор течению пересекает речной поток и упирается в другой берег.

Удивился Багдасар:

– Никогда я ничего подобного не видел! Что же за сила такая в этом ручье, если и течение реки слабей его тонкой струи?

– Знать, из богатырского источника берёт начало ручей, – сказал Санасар. – Кто доберётся до него и отведаёт его студёной воды, станет сильнее всех на земле. Кто дом построит возле источника и сына родит, у того и сын будет силён, и внуки сильны, и дети внуков тоже. Поклянёмся же, Багдасар, хлебом, вином и верой в Господа нашего, что отыщем богатырский источник! Воздвигнем там дом себе. Вода нам силу дала, вода её и умножит. Никто не сможет нас с тобой одолеть!

Согласился Багдасар:

– Пусть будет, брат, как ты сказал.

Пошли близнецы вдоль узкого русла ручья. Всё выше и выше забирались в горы. Шли и днём и ночью. Продирались сквозь густые заросли. Карабкались на отвесные скалы. Перепрыгивали через бездонные расщелины, уворачивались от снежных лавин и горных обвалов.

Ни разу не встретился им человек. Слышали они рёв медведей, вой шакалов, тьякканье лис. Лишь дикие звери обитали в этих краях, полюбившихся братьям своей суровой красотой.

Наконец, отыскиали они небольшой ключ, дающий начало чудесному ручью, и впервые за много дней утолили жажду.

– Тут и построим себе дом, – сказал Санасар. – Ты, брат, возьми стрелы и лук и подстрели что-нибудь на ужин. А я пока поработаю.

Каждый день с утра до полудня Багдасар охотился и всякий раз возвращался, увешанный крупной дичью. Санасар межи обводил, таскал каменные глыбы для основания будущей крепости. После полудня, поев и помолившись, менялись братья местами. Санасар брал стрелы и лук, а Багдасар наращивал неприступные стены из огромных камней.

Неделя прошла, другая, третья – всё строили братья свой дом-крепость. Как-то вернулся Санасар с охоты и увидел, что устал Багдасар, сморил его сон, даже дичь не зажарил на костре, который давно погас без присмотра.

Загрустил Санасар. Разбудил брата.

– Вставай, Багдасар. Пойдём отсюда. Не по нам такое житьё – мясо без хлеба и соли есть. Мы ведь из царского рода. Если поможет Бог, заживём во дворце не хуже багдадского.

– Куда же, брат, пойдём с тобой? – спросил Багдасар.

– Пойдём по белу свету. Удачи искать.

Сели братья на коней и оставили недостроенную крепость.

Ехали-ехали и прибыли в город Муш. Проводили их во дворец к царю Мушегу. Семь раз поклонились царю Санасар и Багдасар. На восьмом поклоне застыли и скрестили руки на груди.

– Откуда вы, юноши? – спросил царь. – Что за нужда привела вас ко мне?

Отвечали братья:

– Нужды у нас нет. На небе наш защитник Бог, а на земле ты нашим защитником стань. Хотим под твоим покровительством жить и тебе верой и правдой служить.

– Чьи же вы дети?

– Халифа багдадского.

Испугался Мушег.

– Халиф – могучий правитель! Как узнает, что вы от него у меня спрятались, придёт с войском, пленных возьмёт, разграбит и разрушит Муш! Не могу вас у себя оставить. Ступайте восвояси!

Снова отправились братья по белу свету счастья искать. Пришли в город Эрзрум. Предстали перед эмиром, склонив головы.

Залюбовался эмир статными юношами, стал расспрашивать, кто они да откуда.

Ответил Санасар:

– Мы багдадского Халифа сыновья.

Вздрогнул эрзрумский эмир.

– И при виде мёртвых воинов Халифа мы дрожим от страха. А тут – живые пожаловали! Уходите скорее, откуда пришли!

Вновь пошли братья бродить по белу свету. Поник головой Багдасар:

– Что же нам делать, Санасар? Нет нигде для нас приюта.

Сказал Санасар:

– Послушай-ка, брат. Мы ведь от Халифа убежали, зачем же говорим, что мы – его сыновья. Впредь, если спросят, не будем упоминать его собачье имя! Скажем, что сироты мы, что нет у нас ни отца, ни матери, ни родной земли.



У царя Тевадороса

Долго ли, коротко ли, достигли Санасар с Багдасаром крепости Маназкерт. У крепостных ворот спрашивают стражников:

– Кто повелевает вами?

– Царь наш, – отвечает стража, – достопочтимый Тевадорос. А вы с чем пришли?

– Хотим царскую службу нести.

Доложили о них царю. Велел привести их Тевадорос, сам захотел взглянуть на высокорослых юношей.

Семь раз поклонились царю Санасар и Багдасар. На восьмом поклоне замерли и скрестили руки на груди.

– Откуда вы? – спросил Тевадорос. – Что за нужда привела вас ко мне?

Ответили братья:

– Нужды у нас нет. На небе наш защитник Бог, а на земле ты нашим защитником стань. Хотим под твоим покровительством жить и тебе верой и правдой служить.

– Чьи же вы дети?

– Не знаем. С тех пор как родились, не видели мы ни отца, ни матери. Нет у нас ни дома, ни родины.

Понравились Тевадоросу статные широкоплечие юноши. Приказал он поселить их во дворцовом флигеле. Назначил Санасара стольником, а Багдасара – виночерпием.

Целый год исправно служили братья маназкертскому царю. Когда же год миновал, посоветовал Тевадоросу везир испытать юношей в военной игре.

– Посмотрим, есть ли у них способности к военному делу.

– Неплохой совет! – согласился царь. Позвал к себе братьев и велел им к утру быть готовыми к состязанию.

На следующий день с рассветом поднялись Санасар с Багдасаром. Надели доспехи, оседлали коней и выехали в широкое поле, куда вскоре прибыл и царь со своим войском.

Разбил царь войско на две половины. Говорит братьям:

– Ты, Санасар, на ту сторону становись. А ты, Багдасар, становись рядом со мной.

Сказал Санасар:

– А можно по-другому, государь?

– Как это «по-другому»? – удивился Тевадорос.

– Сюда мы с братом встанем, а туда – ты с войском.

Усмехнулся царь:

– Что ж, будь по-твоему. Только смотрите не хнычьте, когда намнут вам бока.

Поскакали всадники Тевадороса на братьев. Сцепились с ними. Минуты не прошло – глядит царь: нет рядом воинов, все послетали с сёдел, на земле лежат.

Накинулся Тевадорос на своего везира с гневным упрёком:

– Дьявол надоумил тебя с твоим советом! Скажут теперь про меня, что у Тевадороса не воины, а бабы в сёдлах сидят!

Ответил везир:

– Не воины виноваты, а эти двое. Прогони их, царь!..

Вернулся царь в Маназкерт, а в крепости – крики, беготня, суета. Оказалось, что, пока войско силой с братьями мерилось, напали воры-разбойники на мирных пастухов и угнали городское стадо.

– Эй, Санасар! Эй, Багдасар! – крикнул Тевадорос. – Берите тридцать лучших всадников. Скачите в погоню!

– Нет, государь! – отвечают братья. – Не нужно столько воинов с нами посылать. Недостойны подлые воры такой чести! Мы и сами управимся.

Поскакали Санасар с Багдасаром в погоню. Настигли воров, отдубасили их хорошенько и погнали вместе со стадом обратно в город.

Царь Тевадорос приказал скрутить разбойников и заточить в темницу. А Санасара с Багдасаром щедро наградил. Ещё крепче полюбил царь отважных юношей.

...Как-то раз гуляли они и увидели, как подростки в войну играют. С деревянными мечами нападают друг на друга, деревянными щитами прикрываются. Подошли Санасар с Багдасаром к играющим ребятам. Ради шутки стали играть. Но только увлеклись немножко. Кого ни ударят в щит, тот валится без чувств.

Нажаловались родители царю на буйных близнецов. Велел он привести их к себе.

– Что же вы, добры молодцы! – сказал Тевадорос с укоризной. – Вам ли с вашей силой с детьми играть!

Стыдно сделалось братьям.

– Прости нас, государь! – промолвил Санасар. – Видно, силы у нас куда больше, чем ума. Забыли мы, что сами уже не дети. В детстве не довелось нам наиграться вволю. Не сердись, мы ведь не нарочно. Обещаем, что не обидим больше никого.

Понравился Тевадоросу простодушный ответ. Отпустил их царь с миром.

А вскоре случилась в городе свадьба. По старинному обычаю молодёжь в честь жениха и невесты готовилась удаль свою показать, погарцевать на горячих конях, джериды в цель пометать.

Санасар с Багдасаром дома остались. Не хотели силу свою напоказ выставлять, чтобы вновь она кому-нибудь не навредила невзначай.

Заметил царь, что нет их на празднике, и приказал послать за братьями. Мол, негоже в такой день дома сидеть, невежливо. Обидеться могут жених с невестой.

Делать нечего, сели братья на коней, приехали на состязания. Поскакал Санасар вдогонку за молодыми наездниками. Начал в них джериды метать, но так, чтобы не попасть ни в кого. Никто его хитрости не разгадал, и шумно радовались маназкертские юноши, что опередили в ловкости самого Санасара!

Наступила очередь Багдасара вдогонку скакать. Увлёкся он игрой, начал метать джериды и двум-трём юношам рёбра сломал, сшибив с седла.

Нахмурился Санасар. Огорчил его брат. Повернули они коней и вернулись домой.

Родственники пострадавших юношей принялись жаловаться царю на могучих близнецов. Тут и везир своё слово вставил:

– Прогони их, царь! Не доведёт нас до добра их неистовая сила!

Вздыхнул царь и поддался настойчивым уговорам.



Крепость построена

Прибежал к братьям один из юношей:

– Санасар! Багдасар! Царь вас из города хочет прогнать!

И тогда сказал Багдасар Санасару:

– Брат! Насильно мил не будешь. Не нужна здесь наша сила, тесно ей в Маназкерте. Решай, куда теперь пойдём?

Ответил Санасар Багдасару:

– Всё чаще вспоминается мне крепость, которую мы не достроили. Много мы сил положили на неё. Довершим же начатое дело, исполним данную нами клятву!

Утром не пошли братья на службу во дворец.

Проснулся Тевадорос, а утренняя трапеза не приготовлена, стол не накрыт, ни хлеба на нём нет, ни вина.

Где стольник? Где виночерпий? Побежали слуги их разыскивать, а те дома сидят. Привели их к царю.

– Государь! – обратились они к Тевадоросу. – Если мы в чём-то провинились перед тобой – скажи. Но что же из города гонишь нас?

Отвечает царь:

– Не стану скрывать, полюбил я вас. Не дал мне наследника Бог, и вы мне стали как дети родные. Но обещал я, что покинете вы Маназкерт, а своё слово я должен держать. Ступайте к себе, подумайте, посоветуйтесь. Какую хотите землю выберите в царстве моём, и я эту землю отдам вам во владение.

На следующий день спрашивает Тевадорос:

– Ну как, надумали? Где решили осесть?

– Да продлится твой век, государь! – отвечают братья. – Только не станем просить у тебя земли. Год назад с небольшим, бродя по свету, нашли мы в горах родник. Стали там дом себе возводить. Он и по сей день там стоит. Но не достроили мы дом. И вот решили туда вернуться и закончить начатое.

– Коли так, – сказал Тевадорос, – тысячу раз я желаю вам добра! Ступайте. Хоть и нелегко вам будет вдвоём дом построить.

– У нас к тебе просьба, государь, – низко поклонились Санасар и Багдасар. – Ты правду сказал, трудно нам будет вдвоём. Но не работы боимся мы. Боимся заскучать, затосковать без людей. Вот если бы отпустил ты с нами несколько семей победнее да несколько семей побогаче, было б нам с кем время коротать.

Не мог отказать им царь. Приказал везиру сорок домов обойти, сорок семей снарядить в дальний путь, дать в дорогу сорок вьюков муки. А везир был хитёр и скуп. Лишь тех отобрал, у кого на семью всего и имущества, что по одному ослу да по веретену.

Ну, да делать нечего. Попрощались братья с царём, поблагодарили за стол и кров и пустились в неблизкий путь, к началу источника, что силу даёт.

Много дней миновало, прежде чем достигли братья с обессиленными людьми основания недостроенной крепости. Развьючили коней и ослов. Огляделись и убедились, что за время их отсутствия ни одна живая душа не побывала здесь.

– С чего начнём, брат? – спросил Багдасар. – Будем крепость достраивать или сперва дома людям построим?

– Начнём с домов, – решил Санасар. – И в зной, и в холод должна быть у человека крыша над головой. А крепость позже достроим.

Принялись братья за дело. Санасар в день успевал до десяти фундаментов закладывать. Багдасар в лес уходил, возвращался, неся на себе огромные стволы деревьев. Затем они вместе стены наращивали, подводили опоры под крыши, покрывали их прочной кровлей. Кормили близнецов по очереди то одна, то другая семья, и у тех, у кого кормились Санасар с Багдасаром, пустели кули с едой.

Прошло четыре дня всего, и готовы были для жилья все сорок домов. Обрадовались люди. Никто из них раньше и не мечтал жить в таких крепких и просторных домах.

А братья взялись за строительство крепости. Вновь натаскали валунов и скал необъятной величины. Только видят, мало им одной силы, чтобы крепость построить. Необходимо ещё и умение.

Пошёл Багдасар в ближайший город, привёл мастера-строителя. Взглянул тот на огромные камни и руками замахал:

– Нет, не по плечу мне такая работа! Не возьмусь я за неё!

Пошёл Санасар в другой город. Привёл другого мастера, опытного. Побродил тот вокруг груды камней, головой покачал:

– Сам посуди, Санасар, ну как тут кладку вести? Кто же сможет эти скалы друг к другу приладить?

– Неужели не сможет никто?

– Нет, никто на свете не сможет...

– Как же быть?

– Ума не приложу.

– Ну, тогда вот что, мастер, – сказал Санасар. – Бери свою нить, натягивай её поровнее, укладывай раствор да указывай, куда камни класть. А за нами дело не станет.

И пошла работа. Камень на камень, столб на столб, перемычка к перемычке. Целый год строили братья неприступную крепость. А когда построили, возвели в ней небольшую церковь.

Осталось дело за малым – название крепости дать.



Сасун

Да только это лишь поначалу казалось, что название придумать легко. Нужно ведь так назвать, чтобы имя крепости звучало грозно и гордо, на ратные подвиги звало, запомнилось на века!

Сколько ни ломали голову братья, не смогли подходящее имя подобрать.

Сказал Багдасар:

– Знаешь, брат! Строить крепость – было дело двоих. Назвать её – дело твоё. Ты старший.

Начал Санасар прохожих останавливать, спрашивать:

– Как мне дом свой назвать?

Много мимо него людей прошло. Но одни ничего не умели посоветовать, а другие хоть и советовали, да их названия казались неудачными.

Сказал Багдасар:

– Нужно человека со стороны отыскать. Привёл бы ты мудрого старца. Угостим его как следует. Быть может, и подскажет он нам хорошее имя для крепости.

Сел Санасар на коня и отправился на поиски. Долго ездил по горам, по долам и встретил наконец седобородого старца. Пахал тот землю на склоне холма. Как только увидел могучего всадника, скачущего к нему, испугался, бросил пахать, задрожал от страха.

Спешился Санасар, взял за руку старика:

– Дедушка! Поедем ко мне?

Выдернул старик руку:

– Оставь меня, злой человек! Дай умереть на своей земле.

– Не бойся, дедушка! – успокоил его Санасар. – Не собираюсь я тебя убивать. Хочу в гости тебя пригласить, посоветоваться с тобой. Погостишь у меня, и я сам домой тебя отвезу.

Успокоился старик. Согласился съездить в гости на денёк.

Привёз его Санасар в крепость, помог слезть с коня, пригласил в дом. Угостили его братья на славу, потолковали о том о сём. За разговорами просидели до вечера. Наконец сказал Санасар:

– Знаешь ли, дедушка, зачем мы пригласили тебя?

– Да откуда же я могу знать, мил человек? Я ведь не пророк какой-нибудь, не прорицатель, чужие мысли отгадывать не умею.

– Пригласили мы тебя потому, что седа твоя голова, много лет ты на свете прожил, много чего повидал. Нужен нам твой мудрый совет. Построили мы крепость, а имени у неё нет. Скажи, как нам крепость назвать?

Закивал старик:

– С радостью готов услужить вам, добрые люди. Мне для вас ничего не жалко. Так как, говорите, вы решили крепость назвать?

– Экий ты, дед! – воскликнул Санасар. – Да ведь не мы, а ты должен ей имя дать!

– Ну, не сердись, не сердись, – забормотал, зевая, старик. – Утром осмотрю вашу крепость, подберу ей имя. Сейчас-то совсем стемнело. Утро вечера мудренее...

Легли они спать. А с первыми лучами зари поднялись братья, помолились, гостя своего сытно накормили и смотрят на него с нетерпением.

– Ну что ж, – встал тот из-за стола, – пойду погляжу вашу крепость.

И пяти минут не прошло, как вернулся старик:

– Да где же она? Не вижу я никакой крепости. Чему же название давать?

Вздыхнул Санасар. Не стал со старым спорить. Посадил его молча на спину и понёс вдоль крепостных стен. Обошли они всю крепость кругом. Утром, выйдя из ворот, повернули они на запад и лишь под вечер к тем же воротам с восточной стороны вернулись.

Старик от изумления дар речи потерял. Крепостные-то стены он сперва за отвесные горные скалы принял, а башни, уходящие в облака, – за горные вершины.

Наконец заговорил:

– Да поможет вам Господь! Откуда же у вас столько силы нашлось?.. Как же вы такие глыбы ввысь поднять смогли?.. Как же вы эти яростные камни укротили?!

– Стой! Молчи! – закричал Санасар. – «Яростные камни» – ты сказал? Всё, лучше не скажешь! Пусть так и зовётся наша крепость – Сасун! Пусть будет наш дом – Сасунским домом!

Обрадовались братья, обняли старика.

– Оставайся, дедушка, с нами, – предложил ему Санасар. – Мы о тебе позаботимся, ни в чём нужды испытывать не будешь.

Поклонился ему старик:

– Нет, отвези меня домой, как обещал. Родина моя там, а не здесь. Там я родился, там и умереть хочу. Храни вас Бог!

Согласились с ним братья, и отвёз его на родину Санасар.



На дне морском

Мирно текли дни в Сасунской крепости. С утра уходили братья бродить по горам. Спускались в долины. На зверя охотились. Лишь к вечеру возвращались обратно.

Однажды проснулся Санасар и сказал брату:

– Приснился мне морской чудо-конь. Никак забыть его не могу. Пойдём к морю, попробуем добыть себе морского коня. Мы ведь тоже от моря рождены.

Отправились братья в путь. Долго шли и пришли наконец к морскому берегу. Остановились, поражённые. Никогда ещё не видели они столько воды сразу!

– Как ты думаешь, Багдасар, – сказал старший брат, – если бросимся в море, утонем мы или нет? Как-никак мы ведь дети морские, не должны утонуть.

– Ты как хочешь, брат, – отвечает Багдасар, – а я в море бросаться не буду. Не для того мы от Халифа сбежали, чтобы с жизнью расстаться!

– Что ж, оставайся на берегу, а я попробую, – говорит Санасар. – Если не утону, за мной ступай. А утону – значит так мне на роду написано.

Помолился Санасар, разбежался и прыгнул в синюю глубину. В тот же миг расступилась вода, и пошёл он по твёрдому дну морскому. А море вновь сомкнулось над ним.

Смотрит Багдасар – нет брата, кругом одна лишь водная гладь, и круги расходятся по воде. Горько заплакал он тогда:

– Брат мой любимый! Проглотило тебя синее море! Зачем не остановил я тебя! Один я теперь одинёшенек...

Когда же и круги на воде исчезли, отчаялся Багдасар и рухнул на землю без чувств.

А Санасар шагал и шагал по морскому дну. И пришёл он к прекрасному подводному дворцу. Перед дворцом сад разбит. В саду – водоём с фонтаном ключевой воды.

Увидел он и коня, о котором мечтал. Стоит на привязи чудо-конь. Молния-Меч приторочен к перламутровому седлу.

Приметил и небольшую церковь Санасар. Вступил в неё и вдруг почувствовал, что веки его отяжелели, глаза стали слипаться. Впал он в дремоту, и явилась перед ним Божья Матерь.

Спит Санасар и слышит такие слова:

«Встань, Санасар! Ступай во дворец. Во дворце ты отыщешь сундук. Хранятся в нем копье и кинжал, лук и стрелы. В нём найдёшь кованый пояс, бранные сапоги и железный кафтан. Отыщешь ты шлем и щит непробиваемый, и палицу чугунную, и Пыглор-Трубу. Коль достоин – всё будет твоим.

И увидишь ты Ратный Крест. Помолившись, семь раз ему поклонись. Приложи его к правой руке – и враги тебя не сразят. Коль достоин его – он будет твоим.

Вон стоит конь морской Джалали. Приторочен к его седлу разящий Молния-Меч. Чудо-конь ждёт, грызёт удила. Коль достоин его – он будет твоим.

Окупись в водоёме с головой. Станешь отважней, сильнее, мудрей в семь раз. Ни в чём не будет тебе преград!»

Очнулся Санасар. Не знает, верить чудесному сну или нет? Направился во дворец. В самом деле, стоит сундук. Открыл его и увидел всё то, что было во сне. Достал Санасар шлем. А он так ему велик, что если даже пару лифтов хлопка внутрь вложить, и то бы лёг на плечи шлем. Примерил бранные сапоги. Если и по лифру хлопка в них вложить – всё будут широки. Кованный пояс взял. Семь раз тот его стан обвил.

Подожёл Санасар к водоёму с ключевой водой. Разделся, с головой в него нырнул. Вышел из воды, вновь доспехи надел – все оказались впору!

Семь низких поклонов Санасар отбил. Вознёс молитву Господу. И слетели к нему ангелы, приложили к его правой руке Ратный Крест. Чтобы не поразил его ничей удар.

Теперь очередь за конём. Стоит чудо-конь Джалали, острым копытом землю бьёт, огненным глазом на Санасара косит. Говорит человеческим языком:

- Что тебе от меня надо, земная тварь?
- Хочу сесть на тебя верхом, твоим хозяином стать.
- Глупец! – отвечает конь. – Я взметну тебя к солнцу, и сгоришь ты в его огне.
- Не сгорю, я от моря рождён. Спрячусь под брюхом твоим.
- Ринусь я с неба вниз и об землю убьёшься ты!
- Не убьюсь, я от моря рождён. Мигом вспрыгну на спину твою.

Отвязал Санасар поводья и вскочил в седло.

Взметнулся конь Джалали к самому солнцу, а Санасар под брюхо успел спрятаться. Ринулся Джалали вниз, ударился об землю, а Санасар уже опять сидит в седле. Повторялось так множество раз. В стороны прыгал конь, на дыбы вставал, вся уздечка в кровавой пене – а Санасар всё сидит на нём. Наконец встал Джалали, смирился, сказал:

– Теперь я твой, Санасар. Ты – мой хозяин!

Поскакал Санасар по морскому дну, выехал из моря, на берег ступил. А на берегу, сидя на камне, плачет горькими слезами Багдасар. Вдруг увидел он, что движется к нему человек – не человек, зверь – не зверь. Подумал, что это чудовище морское. Сначала брата в море утащило, а теперь и за ним явилось!

Испугался Багдасар, бросился наутёк.

Санасар кричит:

– Постой, брат! Не убегай!

Поскакал, догнал его и спрашивает:

– Что с тобой? Почему ты плачешь?

– Как же мне не плакать, морской богатырь? Был у меня единственный брат, а теперь я один остался. Утонул мой родной Санасар!

– Ну а если бы встретил ты брата, – улыбнулся Санасар, – узнал бы его?
– Ещё бы не узнать!
– Багдасар, а ведь я твой брат.
– Не смейся надо мной, богатырь, – сказал Багдасар. – Мой брат лишь на локоть был выше меня, ну а ты – вон какой! И доспехов таких не было у моего брата. А коня такого и подавно не было!

Слез с коня Санасар. Поведал Багдасару о том, что приключилось с ним.

Обрадовался Багдасар! Начал брата обнимать, целовать. Так, в обнимку, и вернулись они в Сасун.



Багдадская жертва

Однажды приснился Багдасару козёл. Стоит у изголовья, трясёт длинной бородой, блеет, до утра покою не даёт.

На следующую ночь – тот же сон снится Багдасару. И на третью ночь – то же самое. Целый месяц являлся ему проклятый козёл.

Спал с лица Багдасар, пожелтел, осунулся.

– Что ты мрачный такой, брат? – забеспокоился Санасар. – Может, заболел?

Рассказал Багдасар о своей напасти.

– Думаю я, это Главный Идол является ко мне в образе неотвязного козла. Чувствую, не даст он мне житья. Поеду в Багдад. Будь что будет – либо Халиф меня в жертву отдаст, либо я Халифа убью.

– Вдвоём поедem, – решил Санасар. – Когда мы вместе, не одолеть нас Халифу, Господь на нашей стороне. Убьём Халифа, капище его сожжём, идолов опрокинем. Да и матушку пора повидать. Каково ей там, в чужой стороне?

Собрали братья небольшой отряд воинов и пустились в путь. Когда показались перед ними багдадские крыши и купола, остановились они в широком поле, разбили шатёр и стали ждать.

Донесли Халифу, что вернулись дети Цовинар-хатун, в шатре сидят, видно, боятся войти в Багдад.

Повеселел Халиф, подбоchenился:

– Сами пришли! Видать, поистине всемогущ Главный Идол. Притянул беглецов, словно магнитом. Поняли, ничтожные, что не уйти им от него!

Послал он к братьям своих слуг. Велел объявить, что завтра, в Идолов день, будут принесены они в жертву.

– Мы за тем и пришли, – смиренно ответили Санасар с Багдасаром. – Познали мы идольскую силу. Нам ли равняться с ней...

На следующий день предстали братья перед Халифом.

Закричал на них Халиф:

– Как вы осмелились сбежать от меня? Псы! Неужели не знали, болваны, что Главный Идол из-под земли вас достанет?

– Не гневайся, повелитель, – преклонили головы братья. – Захотелось нам мир посмотреть. Но кинулись на восток – нет от идолов спасенья. Обратились на запад – нет от идолов спасенья. Главный Идол являлся нам по ночам, покою не давал, заставил вернуться к тебе.

– То-то же! – засмеялся довольный Халиф. – Главный Идол – могучий идол! Ступайте сейчас же в капище следом за мной. Заколю я вас ему в жертву.

– Мы согласны, повелитель, – говорят братья. – Только всё же царевичи мы. Не подобает нам втихомолку заколотыми быть. Вот если б собрал ты народ и при всех нас в жертву принёс, многократно бы умножилась слава идолов.

– А ведь верно! – обрадовался Халиф. Тут же огласил указ. Надлежало всему населению города и окрестных сёл собраться назавтра у священного капища, где Халиф великую жертву Главному Идолу принесёт!

Эту ночь братья в покоях матери провели. До зари проплакала Цовинар-хатун, глядя на спящих сыновей. Окрепши они, возмужали. Жить бы им на радость себе и другим! Не возвращаться бы им в Багдад, где поджидает их утром смерть неминучая...

Пробудился с зарёй Санасар. Велит брату:

– Я к Халифу пойду, а ты оставайся. Встань возле моего Джалали, за узду его крепко держи. Как только позову, веди его быстро ко мне.

А народу у капища идолов собралось видимо-невидимо! Не то что яблоку – иголке негде упасть! Перед капищем важно расхаживает Халиф, бороду поглаживает, острый нож пальцем пробует.

Когда Санасар появился, воскликнул Халиф:

– Кто в могуществе Главного Идола сомневался? Глядите! Жертва сама к нему на заклание идёт!.. Эй, Санасар! Почему ж ты один? Где же твой братец?

– Отстал немного брат, – отвечает Санасар. – Сейчас будет. Режь меня первого, а там и он подоспеет.

Поднял Халиф острый нож.

– Ну, нагибайся скорей.

Санасар сделал вид, что несказанно удивлён.

– Как? Прямо здесь хочешь меня заколоть? А я-то думал, что нужно внутрь зайти, Главному Идолу отвесить низкий поклон.

– А ведь, пожалуй, ты прав! – похвалил его Халиф.

Вошли они вдвоём в капище. Приблизились к изваянию Главного Идола.

– Ну давай – кланяйся! – приказывает Халиф и опять заносит над Санасаром острый нож.

– О повелитель! – говорит Санасар. – Неразумными детьми мы из дому ушли. Не кланялись мы идолам никогда. Как бы мне, неуклюжему, их величия не оскорбить. Покажи мне сперва сам, как нужно правильно кланяться?

– Эх, Санасар! – воскликнул с досадой Халиф. – Ничего-то ты не умеешь! Смотри, как нужно кланяться...

Нагнулся Халиф, а Санасар только того и ждал. Размахнулся он и Халифу ногой дал такого пинка, что завертелся тот волчком, в воздух взлетел и грохнулся об пол. Схватил его Санасар и связал по рукам и ногам.

Заволновались придворные, что их повелителя долго нет. Заглянули в капище, а Халиф на полу связанный лежит.

Великое смятение охватило народ. Стали люди в панике разбегаться кто куда. Пришло в движение несметное войско Халифа. Обнажили воины сабли, выставили копья, пошли на Санасара, окружают его со всех сторон.

И тогда громко крикнул старший брат младшему:

– Багдасар! Коня мне скорей!

В тот же миг пригнал Багдасар коня. Вскочил в седло Санасар. Огляделся и промолвил в растерянности:

– Мыслимое ли дело – столько ратников одолеть!.. Да если б даже обернулись они хлопком, а я – огнём, и то не смог бы их спалить! Если бы обернулись они огнём, а я – водой, и то не смог бы их потушить!

Но сказал ему чудо-конь Джалали человеческим языком:

– Прогони свой страх, Санасар. Господа помяни. Кого не убьёт твой Молния-Меч, тех мой огненный хвост сметёт. Кого не убьёт твой Молния-Меч, тех моё огненное дыхание сожжёт. Кого не убьёт твой Молния-Меч, тех растопчут копыта мои!

Ринулись братья в самую гущу Халифова войска, и завязалась жестокая битва. Задрожала земля под ударами конских копыт. Солнце устало соперничать с блеском разящих мечей. Густая пыль окутала всё вокруг и поднялась до самого неба. А когда рассеялся воздух, увидели Санасар и Багдасар, что не с кем больше биться. Полегли на поле враги, словно ячмень, побитый градом.

Вернулись братья во дворец к Цовинар-хатун, Халифа с собой привели. Привязали его к столбу, а сами усадились пировать.



Конец халифа

Разнеслась по всей земле весть о том, что пало войско багдадского Халифа. Что сам он привязан к позорному столбу. А победили и посрамили его сасунские храбрецы – Санасар и Багдасар!

Узнал об этом и старый Гагик. Подумал: «А ведь это внуки мои! Повидать бы мне их перед смертью. Если не обоих, так хотя бы старшего внука обнять. А там и умереть спокойно...»

Написал письмо армянский царь: «Санасар, внучек мой! Как получишь это письмо, собирайся в дорогу. Коли браться собрался, щёки намылил – бросай всё, у меня добреешься!»

Кликнул царь Ветер:

– Отнеси в Багдад посланье моё. Старшему внуку, Санасару, его вручи.

Подхватил Ветер письмо. Примчался в Багдад. Бросил послание Гагика в дворцовое окошко.

Прочитал письмо Санасар и тут же стал в путь собираться. Наказал Багдасару матушку беречь да с Халифа глаз не спускать.

Прибыл он в Капотин-Берд. Вышел к нему навстречу царь Гагик. Узнал в лице внука черты любимой дочери Цовинар. Крепко обнял Санасара, за праздничный стол его усадил. Повели они меж собой беседу, и не было ей конца.

...Багдасар тем временем, лишь первые лучи зари будили землю, вставал и уходил на охоту. Улыбалась ему удача. Каждый день приносил он с охоты по дикому барану. Каждый день пировал он, веселился.

Однажды, когда ушёл он опять на охоту, жалобно начал просить Халиф:

– О жена моя, Цовинар. Затекли мои ноги и руки. Ослабь верёвки! Не дай окаменеть моему доброму сердцу!

Пожалела его Цовинар-хатун. Развязала Халифа.

Встал Халиф и поспешил в город. Собрал всех своих бывших князей, и стали они совет держать, как власть себе снова вернуть.

Один говорит:

– Убьём Багдасара! Без брата не так он силен.
– Нет, – говорит другой. – Всё равно силой не справиться с ним.
– Тут хитрость нужна, – говорит третий. – На свадьбу его позовём, вином напоим, в яму бросим, завалим землёй и бурьяном сверху закидаем.

Кивнул Халиф. Велел князьям:

– Нагрузите семь верблюдов бурдюками с семилетним вином. Поднимайтесь на гору Ахмах. Завтра заманю я туда Багдасара. Там и покончим с ним!

Вернулся Багдасар с охоты и увидел, что развязан Халиф. Нахмурился Багдасар, но промолчал. А Халиф вкрадчиво ему говорит:

– Багдасар, а Багдасар?..

– Чего тебе?

– Не там ты охотишься. Знаю я такое место, где не только горные бараны, но и дикие быки пасутся. Если пожелаешь, покажу тебе это место.

– Ладно, покажешь, – согласился Багдасар.

Ночь миновала. Выехали они и поднялись на гору Ахмах. А там их уже ждут Халифовы люди. Обступили Багдасара, чаши ему протягивают:

– Тысячу тебе благ, Багдасар! Свадьба у нас сегодня. Выпей! Выпей, Багдасар!

– Э-э! Нет у меня времени, чтобы с каждым из вас пить! – воскликнул он. – Лейте всё в одну бадью. Хлебну одним глотком!

Обхватил Багдасар бадью обеими руками, опорожнил её в себя до последней капли. Оглянулся молодецки: вон, мол, я каков! Но тут ударило ему в голову семилетнее гранатовое вино. Зашатался Багдасар, рухнул на землю и захрапел.

Схватили подданные Халифа тяжёлые булавы и начали осторожно подступать к спящему Багдасару. Хоть и храпит он, а всё-таки страшно. Ну как проснётся! Толкаются, мешают друг другу, бьют булавами – да всё по земле. Всю землю изрыли вокруг него...

В Капотин-Берде взглянул на небо Санасар. А звезда Багдасара еле-еле мерцает. «Брат мой в беде», – догадался Санасар.

– Дедушка, прикажи коня моего седлать, – обратился он к царю Гагику. – Нужно Багдасара из беды выручать.

– Да не волнуйся зря, – принялся успокаивать его царь. Не хотелось ему отпускать от себя любимого внука. – Багдасар сейчас, наверно, с матерью беседует, весело им вдвоём...

Не дослушал Санасар. Сам оседлал своего Джалали, вскочил на него верхом. С места рванулся конь. Санасар и глазом не успел моргнуть, как очутился у багдадского дворца. Дверь распахнул, вбежал к матери.

– Матушка! Где мой брат Багдасар?

– Где ж ему быть? Да на горе Ахмах. Халиф его на охоту повёл.

– Эй-вах! – воскликнул Санасар. – Заманил Халиф брата! На смерть заманил!

Вскочил опять на коня и поскакал на гору Ахмах. Примчался и видит: брат его Багдасар спит мертвецким сном, а люди Халифа всё смелее с булавами к нему подступают, вот-вот обернутся на спящего смертельные удары...

В страшной ярости бросился Санасар на врагов. Всех перебил. Размахнулся своей палицей чугунной и вогнал коварного Халифа на семь гyzов в землю. Тут ему и конец пришёл.

Подошёл Санасар к брату. Головой покачал. Будить начал – не просыпается. Тогда облил его Санасар ледяной водой и стал ему грудь растирать, чтобы хмель весь вышел из Багдасара.

Наконец очнулся тот. Привстал и сказал, зевая:

– Эх, брат, зачем ты меня разбудил? Я так сладко спал!..

Потом огляделся вокруг и понял, что если бы не Санасар, заснул бы он здесь навечно.

Обнялись братья и в город пошли.

В тот же день созвал Санасар народ, обнажил свой Молнию-Меч и провозгласил:

– Тот, кто верует в Господа моего, а не в каменных идолов; кто не желает смерти ближнему своему и добра его; кто устал от злобы и ненависти и мечтает о мире и согласии, пусть пройдёт под моим мечом!

И весь город повалил к нему и прошёл под мечом Санасара. И множество народа обратилось в христианскую веру.

А Санасар распахнул двери темниц и вернул свободу тем, кто был угнан Халифом в плен из армянской земли.



Возвращение в Сасун

Только один раз в жизни плакал армянский царь. Случилось это, когда принудили его отдать за багдадского Халифа любимую дочь Цовинар.

И вот во второй раз заплакал Гагик. Но уже не стыдясь, ибо плакал от счастья. Вернулась к отцу Цовинар. Да не одна! Пируют вместе с царём два его внука, два храбрых воина, два героя – Санасар и Багдасар!

Семь дней и семь ночей длился пир в Капотин-Берде, устроенный царём в их честь. На восьмой день обратился Санасар к Гагику:

– Отпусти нас, дедушка, в путь-дорогу. Построили мы для себя крепость, хотим туда поехать.

– Разве мало вам моего царства? – удивился Гагик. – Я уж скоро умру, оно всё вам останется. Владейте им с Богом.

– Живи вечно, государь! – ответил Санасар. – Хорошо нам у тебя, но только сердце по дому тоскует. А наш дом – в Сасуне. Мы в каждый его камень свою душу вложили.

Видит царь Гагик, что внуков не удержать. Спрашивает:

– Чем же мне одарить вас? Просите, что душе угодно!

А Цовинар-хатун советует Санасару:

– Проси у царя, чтобы отдал вам горную область от Мараткаджура до Цовасара и от Чапахджура до Коде.

Санасар и говорит:

– Отдай нам, дедушка, земли от Мараткаджура до Цовасара и от Чапахджура до Коде.

– Отдаю их вам, дети мои! – воскликнул царь Гагик. – Владейте ими вовек!

Недолгими были сборы. Сели братья на коней и тронулись в Сасун. И поехала с ними Цовинар-хатун. И поехал с ними мудрый Кери-Торос.

Разросся Сасун. Пошла о нём по миру добрая слава. В разных краях заговорили люди:

– Долго ли нам терпеть унижения и поборы? Долго ли смотреть, как грабят нас разбойники, уводят наш скот, топчут наши поля? Поедем-ка в Сасун! Там правят храбрецы Санасар и Багдасар. Налогов и податей не берут, в обиду никого не дают.

Стал стекаться под защиту Санасара и Багдасара многочисленный люд. И превратился Сасун в большой и богатый город.



Часть вторая

Дехцун, дочь царя каджей

Широко разлетелась по свету молва о сасунских братьях – Санасаре и Багдасаре. И доказалась та молва до Медного города, которым правил царь каджей.

Были у царя две красавицы-дочери. Старшая звалась Дехцун-Цам. Сорок золотых кос заплетала она. А младшая... Ну, да о ней речь впереди.

Однажды явилась Дехцун-Цам Санасару во сне, и полюбил он прекрасную девушку.

Задумала Дехцун: «Напишу письмо Санасару. Пусть приедет. Хочу посмотреть на него. Коль понравится мне – пойду за него замуж».

Взяла она два небольших кувшина. Наполнила один водой и яблочком заткнула.

Второй, пустой, тоже яблочком заткнула. И только после этого села писать:

«Храброму Санасару шлёт дочь царя каджей, Дехцун-Цам, сердечный привет! Санасару и Багдасару привет большой!»

О, Санасар! Ясна и чиста моя душа, словно этот кувшинчик пустой. Сердце моё и голова полны, словно второй кувшинчик, одним тобой. Сорок женихов из сорока краёв сватались ко мне, всем отказала я. А тебя увидела во сне и не могу забыть. Приезжай в Медный город и увези меня. Нет силы ждать. Даже если ты щёки намылил, садись на коня, побреешься здесь!»

Вложила Дехцун в письмо свой искусно выполненный портрет и кликнула двух девушек-служанок.

– Снесите письмо и оба кувшинчика в Сасун. Поставьте их на рассвете у Санасара в изголовье и письмо положите рядом. Если правду говорят про него, что он храбрец, то приедет ко мне. Летите! Да смотрите братьев не перепутайте!

Обернулись девушки белыми голубками и полетели в Сасун. Подлетели к Сасунскому дому и заглянули в распахнутое окно. Видят: лежит цветущий юноша. Разумянилось во сне его лицо – так, что даже вся комната озарена светом, словно утренним солнышком.

«Наверное, это и есть тот самый Санасар», – подумали они. Однако решили заглянуть в другое окошко. И увидели другого юношу, ещё краше первого. Или тот, первый, всё-таки краше?..

Так летали они от одного окна к другому. Никак не поймут, кто из братьев – Санасар, а кто – Багдасар. Светать уж начало, жаворонок запел. Скоро и братья проснутся.

Заторопились девушки-голубки, поставили к изголовью одного из юношей два кувшинчика, письмо на постель обронили и упорхнули восвояси.

Проснулся Багдасар и обнаружил лежащее на его постели письмо. Взял его, и тут выпал из письма портрет красавицы Дехцун. Как увидел Багдасар её красоту, перехватило у него дыханье, даже кровь носом пошла. С трудом пересилил себя Багдасар и начал читать письмо дочери царя каджей. И чем дальше читал, тем больше наполнялся яростью и гневом.

Читает:

«Храброму Санасару шлёт дочь царя каджей, Дехцун-Цам, сердечный привет! Санасару и Багдасару привет большой!..»

– Его два раза назвала в приветствии! – воскликнул Багдасар с горечью. – Меня же – один только раз!..

Дальше читает:

«...Приезжай в Медный город и увези меня. Нет силы ждать...»

Вскочил Багдасар.

– Вот оно что! Брат жену себе сосватал, а мне ни слова не сказал! Да разве я уже чужой ему?! Или больше не братья мы?!

Сунул он письмо за пазуху и затаил злобу на Санасара.

А в доме уже стол белой скатертью накрыт. Уселись все за утреннюю трапезу, одного Багдасара нет за столом.

Встревожилась Цовинар-хатун. Уж не заболел ли её младший сын? Встала и пошла за ним. Дверь в его комнату отворила.

– Что с тобой, Багдасар-джан? Почему не вышел к столу? Может, болен ты?

– Ах, матушка! – отвечает Багдасар. – Если б не ты, а кое-кто другой эту дверь отворил, разорвал бы его на куски!

– Да что случилось? – испугалась Цовинар.

– Что случилось?! – воскликнул тот и, вынув письмо, протянул матери. – А вот что! Брат посватался, а мне ни слова не сказал, будто уже за человека меня не считает! С какой стати буду я с ним за одним столом сидеть, хлеб с ним делить!

Цовинар взяла письмо и головой покачала:

– Ничего не понимаю! Ни о каком сватовстве мне Санасар не говорил. Если это правда, я ещё больше, чем ты, огорчусь!

Вернулась она к столу. Санасару письмо подала:

– На вот! Возьми своё письмо!

Пробежал его Санасар глазами, ладонь к груди приложил:

– Матушка! Богом нашим клянусь, первый раз держу в руках это письмо!

Промолвила Цовинар-хатун:

– Брат твой очень обиделся на тебя.

– Что же мне делать? – растерялся Санасар. – Девушка эта, Дехцун, чародейка. Она и во сне мне являлась. Теперь вот письмо написала. Околдовывает нас. А брат мой горяч, его не трудно вывести из себя. Пойди к нему, матушка, постарайся его успокоить. В конце концов, пусть ударит меня пару раз, выпустит свой гнев.

Пошла опять Цовинар-хатун к своему меньшому сыну. Вела с ним разговор ласково, долго его уговаривала не гневаться на Санасара. Да так и не смогла уговорить. Не одной только безудержной отвагой славился Багдасар. Недаром звали его порой за глаза и упрямым, и сумасбродом...

Вечером столкнулись в дверях братья.

– Здравствуй, – сказал Санасар.

Промолчал Багдасар.

– За что обижаешься на меня, брат? – спросил Санасар.

– За то, – проговорил Багдасар с угрозой, – что нам двоим тесно на этой земле. Либо ты должен умереть, либо я.

– Да что с тобой? Почему ты говоришь мне такие слова?

– А почему, – закричал Багдасар, – дочь царя каджей тебя дважды в приветствии помянула, а меня только раз?!

– И ты из-за этого расстроился? – улыбнулся Санасар. – Послушай, сердись тогда на неё, а не на меня. Я-то здесь при чём?

– Не верю я тебе! – сказал Багдасар. – Хочу биться с тобой!

– Из-за чего? Из-за девушкиного привета?

– Из-за того, что ты тайком от меня письма ей пишешь, меня ни в грош не ставишь!

– Поверь, брат, – отвечает Санасар, – не писал я ей никаких писем. Богом клянусь!

– Всё равно хочу биться с тобой!

– Ладно, хочешь так хочешь. Только я тебя бить не стану.

Ничего не ответил на это Багдасар. Повернулся к брату спиной и дверью хлопнул.



Поединок братьев

«Посостязаюсь с Багдасаром в борьбе, – думал Санасар. – Порастратит он свою буйную силу, свежий воздух остудит его горячую голову – глядишь, и успокоится брат».

Выехали Санасар с Багдасаром на широкий луг. Слезли с коней и завязали борьбу. Обхватили за шею друг друга, кружатся на месте, землю пятками сотрясают.

Спихватилась Цовинар-хатун, что сыновья слишком долго не возвращаются. Пошла их разыскивать. Чем ближе подходит к зелёному лугу, тем сильнее земля дрожит под ногами, тем слышнее дыхание могучих борцов.

Наконец увидела она своих сыновей и руками всплеснула:

– О Боже, помоги мне! Виданное ли дело – брат с братом воюет!

Крикнул ей Санасар:

– Не волнуйся, матушка! Целы мы и невредимы. Ничего с нами не станется.

Санасару легко говорить! Он полущутя сдерживает яростный напор Багдасара. А тот, как ни пытается брата на землю опрокинуть, ничего у него не получается. Ослабел Багдасар, покидают его силы, вот-вот сам на землю рухнет. Потемнело у него в глазах. Да только и в небе тоже смеркаться начало.

Кончился день.

Пора домой возвращаться.

Дома поужинали они. Отдохнули. Пришёл немного в себя Багдасар и говорит Санасару:

– Завтра опять будем биться!

Санасар лишь вздохнул в ответ и плечами пожал.

Наутро встали они, взяли тяжелые палицы, к сёдлам щиты подвязали и вновь поехали судьбу испытывать.

Заплакала Цовинар-хатун. Прокляла сквозь слёзы ту, из-за которой сыновья должны друг с другом насмерть биться.

А братья отмерили в поле расстояние между двух камней. У одного камня Санасар встал, у другого – Багдасар.

Размахнулся Багдасар и метнул тяжёлую палицу, метя в грудь Санасару. Но промахнулся. Перехватил Санасар его палицу и метнул обратно. В четверть силы метнул. Не достала она брата, упала у самых ног.

Во второй раз метнул палицу Багдасар. Опять перехватил её Санасар и, в четверть силы метнув, обратно вернул.

Поскакали они друг на друга. Сошлись. Багдасар всю силу вкладывает в удар, с яростью бьёт. Санасар все удары щитом отбивает либо уворачивается. Сам же не бьёт брата, а если и замахивается, свистит его палица над головой Багдасара. А тот всё не успокаивается, хочет во что бы то ни стало Санасара ударом достать, чтобы упал он с коня и не встал больше никогда...

Солнце в зенит вошло. Затем к закату начало клониться. А бой всё не утихает.

И подумал Санасар: «Яростно бьёт Багдасар! Дай-ка и я его испытаю. Сможет ли он мой удар выдержать или уклониться от него?»

Размахнулся он и нанёс Багдасару удар вполсилы. Выставил тот щит, да только всё равно не смог выдержать удар тяжёлой палицы. Слетел с коня и упал на землю без чувств.

Застонал Санасар:

– Что я наделал! Силы своей не рассчитал! Брата ударил! Брата родного убил...

Спрыгнул он с коня и подбежал к неподвижно лежащему брату. К груди его прильнул. Нет, не остановилось, бьётся сердце. Палица, скользнув по щиту, лишь ногу задела. Бережно поднял он на руки Багдасара и понёс в Сасун.

Дома расстегнул он у Багдасара рубаху, чтобы грудь ему растереть, а из-под рубахи выпал портрет девушки удивительной красоты. И тогда догадался Санасар, какие муки перенёс из-за неё брат.

До рассвета не приходил в сознание Багдасар. И всё это время Санасар сидел рядом и плакал над ним. Когда же тот очнулся, спросил Санасар:

– Отчего же так долго в сознание ты не приходил?

– Боль пронзила ногу, – ответил Багдасар. – В голове у меня помутилось от твоего удара.

– Нет, – произнёс Санасар, – не от удара в голове у тебя помутилось. А от этого портрета и от письма Дехцун. Неужели ты подумал, что девушка для меня дороже, чем ты! Да не нужна она мне, сам иди за ней, если хочешь!

– Прости меня, брат, – промолвил Багдасар. – Не знал я до вчерашнего дня, как ты могуч! Отныне ни в чём тебе перечить не буду. Всё, что ни попросишь, сделаю для тебя. Только должен сам ты отправиться в Медный город, и Дехцун-Цам твоей должна стать.

– Ни за что не поеду за ней! – замотал Санасар головой. – Дехцун – чародейка. Она нас с тобой чуть не перессорила!

– Подумай, что люди скажут, – сказал Багдасар. – Нас уважает народ, считает храбрецами. А если ты не поедешь, скажут: какой же Санасар храбрец, если даже за своей невестой боится съездить! Нельзя тебе не ехать, брат. Привези Дехцун в Сасунскую крепость.



Дорога в страну каджей

Пришел Санасар к Цовинар-хатун:

– Матушка, снаряди меня в дорогу. Должен я в Медный город поехать, в страну каджей.

Принялась отговаривать его мать:

– Не езди, сынок! Совсем недавно мы из Багдада выбрались, чуть не погибли, зачем тебе опять в чужие края ехать?

– Что ж тут поделать, матушка! Видно, судьба такая.

Снарядила его Цовинар-хатун, благословила на дорогу. Обнялись на прощанье Санасар с Багдасаром, простили друг друга, перстнями обменялись.

Сказал Санасар брату:

– Если я завтра не вернусь, не волнуйся за меня. Если я на второй день не вернусь, тоже не волнуйся. Если на третий день не вернусь, значит, попал я беду. Скажи тогда мне на выручку.

Сказал и тронул коня.

Долго ли ехал, коротко ли, достиг он перепутья трёх дорог. А у перепутья сидит седобородый старик.

– Здравствуй, дедушка! – приветствовал его Санасар.

– Здравствуй, Санасар! – ответил тот. – Слезай с коня, послушай, что я тебе скажу.

Удивился юноша. Спешился и подошёл к старику.

– Кто же ты, дедушка? Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Я всё знаю, ведь я ангел Божий, – отвечал старик. – Поставлен я здесь, чтобы дорогу путникам указывать. Ты-то сам куда спешишь, Санасар?

– В страну каджей тороплюсь. Укажи, какая дорога ведёт туда?

Покачал головой старик:

– Коль поедешь налево, станешь ты царём великим. Коль направо поедешь, станешь купцом богатым. А в страну каджей средняя дорога ведёт. Только если отправишься по ней, много опасностей тебя подстерегает. Подумай хорошенько!

– Я твёрдо решил, дедушка. Пусть даже и гибель ждёт меня, всё равно в страну каджей поеду. Если дашь мне хороший совет, с благодарностью приму его!

– Вот что запомни! – сказал старик. – Встретится тебе на дороге зверь ли, камень или куст, со всеми здоровайся, как ты поздоровался со мной, всем кланяйся. В заколдованную страну едешь ты, не поздороваешься – пропадёшь!

Поблагодарил Санасар старика за добрый совет и поехал по средней дороге.

Ехал он, ехал и увидел большое стадо овец. Пас его пастух, широкоплечий, могучий, ростом не ниже Санасара.

– Здравствуй, добрый человек! – приветствовал его Санасар.

– Привет и тебе, странник, – отвечал пастух. – Куда путь держишь?

– Еду в Медный город, где правит царь каджей.

– Что ж, путь не близкий, – говорит пастух. – Слезай с коня, поешь на дорогу, молока моего отведай.

– За приглашение спасибо, – поблагодарил Санасар. – Да только тороплюсь я, некогда мне молоко пить.

– Тогда назад поворачивай. Тех, кто от моего угощения отказывается, я дальше не пропускаю.

Делать нечего. Слез Санасар с коня. А пастух тем временем нацедил полное корыто овечьего молока. Да такое корыто, что в нём и вчетвером можно было свободно улечься. Так он силу женихов Дехцун-Цам испытывал. И никто ещё не смог выпить столько молока, никто не был достоин дочери царя каджей.

– Пей на здоровье, – сказал пастух и пошёл к своему стаду.

Ещё не успел его кругом обойти, как слышит издалека крик Санасара:

– Эй, пастух! Прими свою плошку. Спасибо за угощение! Счастья тебе! А мне в путь пора.

Прибежал тот к корыту. Увидел, что всё до капли выпил Санасар, даже корыто опрокинул. Посмотрел ему вслед и пробормотал:

– В добрый путь, богатырь! Не одолеть тебя никому!..

Солнце стало клониться к закату, когда достиг Санасар крепостной стены Медного города. У стены сорок дряхлых старцев сидят, на юного всадника потускневшими глазами глядят, все обросли длинными бородами. Верно, немало лет прожили на белом свете.

– Здравствуйте, уважаемые! – приветствовал их Санасар.

– Здравствуй, юноша, – ответили старики. – Садись вместе с нами. Это ничего, что мы стары, а ты молод. К концу завтрашнего дня не будет меж нами различья.

А один старец добавил со вздохом:

– Эй-вах! Ещё один безумец по собственной воле в расставленные сети плывёт.

Обратился к нему Санасар:

– Растолкуй мне, отец, ваши странные речи. Почему говорите, что завтра не будет между мной и вами различия?

– Эх, молодец! – ответил старик. – Были и мы недавно такими же юными, как ты. Так же, как ты, за невестой сюда явились...

– Да что же приключилось с вами?

– Есть сторожевая птица у колдуньи Дехцун. Прилетает она на городскую стену, и кого увидит, кто крик её страшный услышит, тот и красоты, и силы, и молодости своей лишится. Ночью-то она спит, а с наступлением дня новых женихов высматривает. Берегись её, молодец!

Отъехал Санасар от Медного города подальше, в лесу укрылся. А как стемнело, снова вернулся. Поехал вдоль стены, объехал весь город кругом – нет нигде городских ворот! Пришпорил он тогда своего верного коня, прыгнул Джалали и перенёс его через высокую стену.



В медном городе

Долго бродил Санасар по тёмным безлюдным улицам, пока не нашёл наконец постоянный двор. Содержал его старик-армянин.

Спросил Санасар:

– Здравствуй, дедушка! Сколько берёшь за постой?

– За коня – один серебеник, за человека – полсеребеника. Жизнь человеческая не слишком дорога в этой стране.

– Дам я тебе, – сказал Санасар, – два серебеника за коня и три серебеника за себя. Только смотри, чтобы сыт был мой конь!

Велел он насыпать овса Джалали. Сам хлебом поужинал. Затем подсел к старику и попросил:

– Дедушка, расскажи мне что-нибудь.

– Да что же тебе рассказать, юный странник?

– Ну, что это за город, в который я попал? Как называется?

– Город этот Медным городом зовут.

– Вот оно что! – прищёлкнул языком Санасар. – Значит, это Медный город и есть?

– Он и есть, – кивнул старик.

– Слышал я, что у здешнего царя дочь-красавица.

– А тебе-то что? – рассердился вдруг старый армянин. – Какая бы красавица ни была, а всё не про тебя!

– Да я ведь просто так спросил... – начал было оправдываться Санасар.

– Послушай меня, сынок, – перебил его старик. – Царская дочь – колдунья. Заманивает она сюда юношей и губит их. Уж не за ней ли ты приехал? Если так, жалко мне тебя. Понравился ты мне. Послушай меня, старика, отступись от Дехцун-Цам!

Успокоил его Санасар:

– Да нет, дедушка, не за ней я пришёл. На что она мне! Вот только любопытство берёт: неужто никто на свете не может превозмочь силу её колдовства?

Промолвил старик:

– Сила её таится на дне морском. Если бы нашёлся такой богатырь, который в море вишапа одолел, из его пасти драгоценный камень достал, сюда бы приехал и на заре обнажённую девушку узрел, тогда бы растаяли колдовские чары Дехцун-Цам.

– Да разве найдёшь такого богатыря! – с сомнением покачал головой Санасар и опять обратился к старику: – Дедушка, а не показал бы ты мне башню, в которой она живёт, и окна её?

– Да тебе-то зачем?

– Как зачем? Вернусь в свою страну и расскажу обо всём, что видел в Медном городе.

– Ну, так уж и быть. Пошли, покажу.

Поднялись они на крышу постоянного двора. Старик рукой указал:

– Вон её башня. А вон окна её, видишь? Они чёрными занавесками занавешены, чтобы не увидел её никто.

– А что это там наверху сияет, будто светильник? – спрашивает Санасар.

– Это не светильник, а яблоко золотое. Лежит оно на столбе над дворцовыми воротами. А на второй башне ещё и палица есть! Кто яблоко достанет, а потом обратно положит; кто палицу вниз сбросит, а потом обратно закинет; кто драгоценный камень из пасти вишапа добудет и царя в бою одолеет – только тот станет мужем Дехцун-Цам и увезёт её с собой.

– Нет, – засмеялся Санасар. – Я не тот, кто смог бы все эти подвиги проделать. Зато мне будет что рассказать дома о Медном городе! А теперь пойдём-ка спать, поздно уже...

Улеглись они. Дождь Санасар, когда уснул старик. Прислушался: в городе тоже тихо. Взошла ясная луна, озарила всё кругом ровным голубым светом.

Поднялся Санасар. Оборотился на восток и трижды вознёс молитву Господу. Затем отвя- зал Джалали, вскочил в седло и выехал со двора.

Прискакал на майдан. Там призвал он на помощь Ратный Крест, пришпорил Джалали, и взмыл чудо-конь до верхнего столба над дворцовыми воротами. Схватил Санасар золотое яблоко и спрятал его за пазуху. Прыгнул вниз Джалали – целый час до земли летел.

Призвав на помощь Ратный Крест, вновь разогнал коня Санасар. Взлетел Джалали до самой вершины башни. Протянул Санасар руку, ухватил палицу и метнул её вниз. Полчаса летела палица, расколола пересохшую от летней жары землю, на гяз вглубь ушла.

А Санасар уже к морю скакал. Прыгнул в глубину вместе с конём. Вишاپ и головы поднять не успел, как обрушился на него удар тяжёлой палицы Санасара. Вылетел из зубастой пасти драгоценный яхонт и упал далеко на берегу. Разъярился вишاپ, ударил хвостом и выплеснул из моря огромную волну. Пронеслась она водным смерчем над Медным городом, весь его залила.

А Санасар уже на постоянный двор вернулся. Улёгся, как ни в чём не бывало, и проспал до рассвета.

Едва рассвело, проснулся он и поднялся на крышу. Тут распахнулись в башне окна дочери царя каджей, и увидел Санасар прекрасную девушку, ещё не успевшую облачиться в одежды.

И в тот же миг растаяли колдовские чары Дехцун-Цам.

...За утренней трапезой говорит старик:

– Ночью вроде шум какой-то мне почудился.

Отвечает Санасар:

– Это ветер, дедушка, шумел. Чёрная туча пришла со стороны Сасуна. Ливнем над городом пролилась.



Третье испытание

Царь каджей собрал своих слуг. Объявил им:

– Кто яблоко золотое украл и яхонт из пасти вишапа похитил, тот казни достоин! Только никто из людей моей страны не смог бы этого сделать. Значит, чужеземец проник в Медный город! Ступайте! Все дома в городе обойдите, чужеземца ищите, ко мне его доставьте!

По всему городу начали рыскать слуги царя, все дома обыскивать. Зашли и на постоянный двор. Спрашивают старого армянина:

– Отвечай, старик! Не спрятался ли у тебя этой ночью человек из чужой земли?

Не захотел тот Санасара выдавать.

– Нет, – отвечает, – этой ночью никто сюда не заходил.

– А это кто у тебя сидит? Не чужеземец?

– Да нет, это юноша один, – отвечает старик. – Этой ночью он в комнате со мной спал, никуда не выходил.

– Эй, дедушка, – подал голос Санасар. – Почему ж ты говоришь, что нет чужеземца? Я ведь из чужой земли приехал.

– Молчи! – зашептал ему старик. – Не то схватят тебя и убьют.

– За что же меня убивать? – громко удивился Санасар. – Эй, люди! Я – чужеземец. Что вы ещё хотите узнать?

Оглядели царёвы слуги Санасара с ног до головы. Невольно залюбовались им. Стоит перед ними юноша стройный, пригожий, на щеках румянец играет.

– Нет, – говорят, – не тебя мы ищем. Этой ночью кто-то золотое яблоко царской дочери украл. Теперь видим, что не ты.

– Не это ли? – спросил Санасар.

Сунул он руку за пазуху и достал золотое яблоко.

Ахнули слуги!

– Что ж, – говорят, – собирайся, должен ты с нами пойти. Объявлен ты узником царя каджей!

Удивился Санасар:

– Узником царя, говорите? Какого такого царя? Не привык я без боя узником быть. Так и доложите вашему царю.

Побежали слуги в царский дворец. Передали царю слова Санасара. Задумался тот. Сказал себе:

– Чужеземец-то не робкого десятка! Если рассудить, всё, что он совершил, он ради моей златовласой дочери совершил. Может, и впрямь достоин он её? Но прежде я его должен испытать.

А Санасар вскоре сам во дворец пришёл. Перед царём каджей предстал.

Говорит ему царь:

– Так вот ты каков, храбрец! Слушай же! Если ты без обмана золотое яблоко снял, должен суметь и обратно его положить. Сделай это на глазах у всех. А не сумеешь – велю тебя казнить.

Вскочил Санасар в седло. Разогнал коня, и взвился тот до верхнего столба над дворцовыми воротами. Вынул Санасар из-за пазухи золотое яблоко и на место его положил. Назад до земли Джалали целый час летел.

Вновь предстал Санасар перед царём каджей.

– Хорошо! – сказал царь. – Первое испытание ты выдержал. Только не твоя в том заслуга, а коня твоего. Погляжу, выдержишь ли второе испытание? Хочу, чтобы ты палицу, которую на землю метнул, обратно на башенную кровлю забросил. А не забросишь – велю тебя казнить.

Поднял Санасар тяжёлую палицу, повертел её в руках да и швырнул вверх. Обрушилась палица на кровлю башни, всю до основания башню разрушила.

– Да, силы тебе не занимать, – промолвил царь каджей. – Выдержал ты второе испытание. Вот тебе третье. Есть у меня шестьдесят пахлеванов. Чтобы силу их буйною укротить, я их закованными в темнице держу. Если одолеешь всех пахлеванов – отдам за тебя мою дочь. Ну что, выпускать их из темницы? Или передумаешь?

– Скажи, государь, – спросил Санасар. – С каждым отдельно я должен биться или разом со всеми?

– Да что ты, Санасар! – засмеялся царь каджей. – Я же не изверг какой! Если всех выпущу, от тебя и мокрого места не останется! Бейся с каждым порознь.

Подумал Санасар: «Обещал я Багдасару через три дня вернуться. А если с каждым из пахлеванов биться начну, целых шестьдесят дней пройдёт!..»

– Выпускай, – говорит, – всех сразу. Нет у меня времени с каждым биться.

Царь ушам не поверил:

– В своём ли ты уме, Санасар! Да они растопчут тебя!

– На то воля Божья, – ответил Санасар. – Только не могу я шестьдесят дней на чужбине оставаться.

Отворил царь темницу, освободил шестьдесят пахлеванов. А Санасар вышел в широкое поле, обнажил Молнию-Меч и Ратный Крест на помощь призвал.

Двинулись пахлеваны на Санасара. Мычат, как буйволы, подступают к нему со всех сторон. Краешком глаза заметил он, что распахнулось в башне окно. Встала у окна Дехцун-Цам, на Санасара с тревогой глядит.

И тогда врезался он в самую гущу врагов. Засверкал на солнце Молния-Меч. Разит пахлеванов одного за другим. Те даже приблизиться не могут к Санасару.

Вечер наступил, а бой всё кипит. Двадцать пахлеванов безголовые лежат. Остальные сорок ночь торопят. Надеются в темноте нанести Санасару смертельный удар.

Ночь настала, но не стихает бой. К утру ещё десять пахлеванов убил Санасар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.